

ВѢДУНЪ И ВѢДЬМА.

СОЧИНЕНІЯ

А. Н. Аонасѣева.

МОСКВА,

Въ Типографіи Александра Семена,
на Софійской улицѣ.

1851.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ , чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный
Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Апрѣля 5 дня,
1851 года.

Ценсоръ и Кавалеръ И. Снегиревъ.

2007053958

ВѢДУНЪ И ВѢДЬМА.

Много мнѣческихъ образовъ создано народными повѣрьями; однако всѣ они, не смотря на свой антропоморфизмъ, болѣе или менѣе сливаются съ различными частями природы неодушевленной, съ стихіями огня, свѣта, воды; всѣ они болѣе или менѣе удалены отъ человѣка. Не такъ представляетъ себѣ народъ вѣдуна и вѣдму. И тотъ и другая не являются въ недоступной таинственности; напротивъ, простолюдинъ ихъ близко знаетъ и входитъ съ ними въ частыя столкновенія; онъ даже укажетъ на извѣстныя лица своей деревни, какъ на вѣдуна и вѣдму, и посоветуетъ ихъ остерегаться. И вѣдунъ и вѣдма живутъ между людьми и ничѣмъ не отличаются отъ обыкновенныхъ людей, кромѣ небольшого хвостика. Всякое село имѣетъ своего вѣдуна; на Украинѣ вѣрятъ, что нѣтъ деревни, въ которой не было бъ вѣдмы. (1) Къ нимъ прибѣгаютъ въ бѣдѣ и просятъ помощи и совѣтовъ. Если имъ и приписываютъ часто злыя, враждебныя дѣйствія; то во многихъ случаяхъ вѣдунъ и вѣдма для крестьянина необходимы: помощь ихъ вполне удовлетворяетъ пониманію и требованіямъ простаго человѣка. Разсматривая ближе народныя вѣрованія, не льзя не замѣ-

(1) Иллюстр. ч. I. стр. 415: статья Дала. Москвитян. 1846 г. № 11 и 12 стр. 149.

тить, что въ данномъ случаѣ враждебный характеръ есть также результатъ позднѣйшаго вліянія, какъ это замѣчается и относительно другихъ повѣрій. Въ язычествѣ вѣлунъ и вѣдьма имѣли благое *чистое* значеніе, которое прекрасно раскрывается и филологическими данными и многими остатками древнѣйшихъ вѣрованій въ народномъ быту.

√ Слова *въдуиъ* и *въдьма*, вмѣстѣ съ словами *въдовство*, *вътьство*, *въдомый*, происходятъ отъ глагола *въдать*, точно такъ, какъ синонимическія имъ слова *знахаря* и *знахарки* происходятъ отъ глагола *знать*. Отъ одного корня съ словомъ *въдать* происходитъ и слово *въщать*, что особенно видно изъ сложныхъ *по-въдать* и *по-въщать* (*по-въстать*), имѣющихъ тождественное значеніе. Если станемъ разсматривать значеніе тѣхъ словъ, которыя происходятъ у Славянъ отъ корня *въд*, *вът* (*вит*), *въщ*, то увидимъ, что всѣ эти слова имѣютъ близкую связь и что объясненіе ихъ кроется въ языческихъ преданіяхъ народа. √ Слова эти создались въ эпоху языческаго развитія и послужили первоначально для выраженія религіозныхъ представленій. Въ словахъ *въдать*, *въщать* (*въчать*), *въче* (народное собраніе, судъ), *въщба*, *въщунъ* (*въщунья*), *вътія* (*витія*), *въсть*, *въщій*, *предвъщать* (предсказывать), *предвозвъщать* — заключаются понятія (1): предвѣднія и прорицанія, сверхъестественнаго знанія свободной

(1) У Сербовъ *сјеит* (вѣщій), *сјеитина* — знаніе, *сјеитац* и *сјеитица* — колдунъ и колдунья. Въ Любушин. судѣ. *чуисене vescbam vittizovout* — edoctae scientias judiciales. (Бусл. О вліян. хр. на Слав. яз. стр. 171—173, 175). Въ «*Mater verborum*» *вличбы* истолкованы: *vaticinia*; а *въщтец* — *vates*, *propheta divinus*. Здѣсь дѣло идетъ о дарѣ вѣщать по внушеніямъ свыше, что вполне согласно съ извѣстіями о роли, какую играли у разныхъ племенъ «вѣгласныя дѣвы» (Донесеніе Прейса изъ Праги. Жур. М. Н. Пр. 1841 г. Февраль стр.

поучительной рѣчи и суда. Слова *въщій*, *въщунъ*, означающія въ современномъ языкѣ умнаго, говорливаго и проникательнаго, въ древнемъ языкѣ имѣли преимущественно значеніе религіозное, сверхъестественное. У Всеслава, рожденнаго отъ *волхованія* и обращавшагося въ различныхъ животныхъ — *въщяя* душа была въ тѣлѣ (1). Лѣтописецъ, рассказывая, что В. Князь Олегъ былъ прозванъ *въщимъ*, прибавляетъ: «бяху бо людіе *погани* и *невъголоси*» (2). Оба эпитета и *поганый* и *невъгласъ* старинными памятниками употреблялись для означенія всего языческаго, непрсвѣщеннаго христіанствомъ. Ясно, что слово *въщій* имѣло религіозный смыслъ. Этимъ эпитетомъ надѣленъ въ Словѣ о полку Боянъ; *персты* его также названы *въщими* (3). Вѣдуна народъ считаетъ тождественнымъ *колдуну*; *въдовство* и *вътъство* — значатъ волшебство, колдовство; *колдуньи* въ лѣтописи и старинныхъ памятникахъ называются *въщими жонками*, *бабами кудесницами* и *женами чаровницами*. (4) Такимъ образомъ понятія вѣдунъ и вѣдьма (вѣдунья) имѣютъ нѣсколько синонимическихъ выраженій. *Кудесникъ* (5), по объясненію Памвы Берынды — *чаровникъ*, происходитъ отъ слова *кудеса* (*чудеса* — чудо, чудный и чудесный т: е: таин-

48). *Въщій* — мудрый, хитрый, потому что хитрость считалась высшимъ проявленіемъ ума; *ситязь* — сильный, могучій герой.

(1) Слов. о полку (Руск. Достоп. ч. III. стр. 200).

Словотолк. Макаров. (Ч. О. И и Др. (годъ 2. № 7. стр. 27).

(2) Н. С. Р. Лѣт. т. I. (Несторъ) стр. 13.

(3) Слово о полку. изд. Дуб. (Рус. Достоп. ч. III. стр. 6, 10, 26, 202). Теперь говорятъ: *сердце* — *въщунъ*, сердце сердцу *въсть* подаетъ.

(4) См. Стоглавъ: рукописи. вѣдовскія дѣла; Отисан. Рум. Музеума стр. 331. Въ простонар. словотолков. Макарова (Ч. О. И. и Д. Р. годъ 2. № 7. стр. 26) *вѣдьма* объяснена *чаровницею*, *колдуницею*.

(5) Бусл. О вліян. хр. на Сл. язык. стр. 184. Архивъ, изд. Калач. статья: Дѣдушка — домовою стр. 24.

ственный, непостижимый). *Кудеса* теперь означают святочные гаданья, игры, и особенный обрядъ, представляющій остатокъ древняго жертвоприношенія очагу. *Чаровникъ* (1) — чара, чаровать, чарующій, очаровательный: всѣ эти слова указываютъ на смыслъ религіозный. *Чарами* въ народныхъ повѣрьяхъ обозначаются особенные таинственные обряды, совершаемые для отогнанія нечистой силы, излеченія болѣзней, напущенія на врага бѣдствій и т. п. *Колдовствомъ* теперь называютъ совершеніе *чаръ* и произнесеніе *заговоровъ* (*за-говорить* тоже, что *за-вѣщать*), слѣдовательно все то, что составляло принадлежность древняго богослуженія, ибо чары и заговоры представляютъ остатки языческихъ жертвоприношеній, очищеній, мольбы, гаданій, врачеванія и предсказаній. *Колдунъ, колдовство* (2) происходятъ отъ славянскаго корня *колд, калд, клуд, куд*, и означаютъ сожженіе (жертвоприношеніе), очищеніе, и того, кто совершаетъ жертву и очищеніе (3): Филологія здѣсь вполне подтверждаетъ то народное понятіе, какое составилось о колдовствѣ. Наконецъ, остается еще одинъ важный синонимъ сло-

(1) У Митр. Кирилла уже упоминается *чародѣецъ* (Русск. Достоп. Ч. I. стр. 111).

(2) Въ Чешск. *kauzlo, kostlar* (колдовство, колдунъ); въ Молдавіи *колачуны* — колдуны и ворожеи (Бул. О вліян. хр. на Сл. язык. стр. 103. Отеч. Зап. Сынъина 1828 г. Л^д 98. стр. 476).

(3) *Cud, cudit* — чистота, очищать; отсюда *сударь* — судья. Бул. О вліян. хр. на Сл. язык. стр. 136). Въ Чешск. *кудолъ* — густой дымъ (*чуд* — запахъ), *клюдити* — очищать, въ Сербск. *кудити* — заговаривать; *пас-куда* паскудный — нечистота. Сравни: *кудеса, кудесникъ, кудеяръ*. Въ Хорут. нар. *калдосати* — приносить жертву, *калдованцъ* — жрецъ, *калдовница* — жертвенникъ (Срезневск. О язык. богосл. древн. Слав. стр. 39—60). Съ названіями колдуна и колдовства филологически связываются понятія *суда* и *очищеній*; очищенія требовали *пламени и дыма*; судъ Божій совершался *огнемъ* и принадлежалъ также къ очищеніямъ.

вамъ: *Вѣдунъ* и *кудесникъ*; это — *волхвъ*, слово, часто встрѣчающееся во временникѣ Нестѣра (1), упоминаемое до сихъ поръ въ *лубошныхъ* сказкахъ и *уцѣлѣвшее* въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ нарѣчіяхъ (2). *Волхвъ* — *völho* отъ скр. *вал* — свѣтитъ блистать, какъ слово *жрецъ* отъ *жръть*, *горьть*. Отсюда видно, что слово *волхвъ* синонимъ слову *жрецъ*; но послѣднее представляетъ Славянскую форму, а первое есть имя индоевропейское, слѣдов. древнѣйшее. Слово *волхвъ* указываетъ слѣд. на поклоненіе свѣту и на жертвоприношенія. (3) Такимъ образомъ, изъ разсмотрѣнія словъ, синонимическихъ *вѣдуну* и *вѣдмѣ*, находимъ, что въ словахъ этихъ лежатъ понятія сродственные, которыя въ язычествѣ имѣли смыслъ чистого религіозный, именно понятія: таинственнаго, сверхъестественнаго знанія, предвѣдѣнія, предзѣщаній, гаданій, хитрости или ума, красной и мудрой рѣчи, чарованій, жертвоприношеній, очищеній, суда и правды, и наконецъ врачеванія, которое сливалось въ язычествѣ съ очищеніями. Въ Вологодской губ. *вещетнице* значитъ лѣкарство; въ одной старицкой пѣснѣ жена, притворяясь больною, посылаетъ своего мужа: «Ты поди *дохтуровъ* добывай — *Волхви* то спрашивать» (4) Всѣ приведенныя нами

(1) Несторъ употребляетъ слова *волхвъ* и *кудесникъ*, какъ однозначашія (см. рассказъ о смерти Олега).

(2) Въ Вологодск. губ. *волхатъ* — колдунъ, *волхатка* — ворожея; въ Новгород. *волхъ* — колдунъ, угадчикъ, прорицатель; въ Малорос. *волштити* — хитрить; въ Болгарск. *волхвъ* — прорицатель (Бусл. О вліян. хр. на Сл. яз. стр. 23. Срезневск. Изсл. о языч. богослуж. древ. Слав. стр. 61. Макаров. Простои. словотолк. Ч. О. П и Д. Р. годъ 2. № 7. стр. 24).

(3) Бусл. О вліян. хр. на Сл. языкъ стр. 23.

(4) Древн. Рос. стихотв. стр. 15. Въ Псковск. лѣт. докторъ Бомерлій названъ *волхвомъ* (Сказ. Рус. Нар. Сахаров. т. 1. стр. 6. Черноки.) *Врачь* въ скр. *бру* — говорить, въ Кельтич. *bri* — слово, *bruditer* —

названія , самымъ значеніемъ своимъ , указываютъ на *служителей божества*; названія эти составились, какъ обозначеніе тѣхъ или другихъ особенно наглядныхъ признаковъ языческаго богослуженія: *Жудесникъ* и *чаровникъ* указываютъ на таинственность , сверхъестественную силу, творчество; *колдунъ*, *волхвъ* и *жрецъ* — на служеніе божествамъ свѣта , жертвоприношенія и очищенія; наконецъ *вѣдунъ* и *знахарь* обнимаютъ собою болѣе широкой кругъ понятій , потому что въ корнѣ этихъ названій лежитъ *вѣдѣніе*, *знаніе*. Въ языческую эпоху народнаго развитія *вѣдѣніе* понималось , какъ чудесный даръ божества; весь объемъ познаній сосредоточивался въ умѣннн понимать таинственный языкъ обожествленной природы, наблюдать и истолковывать ея явленія и примѣты. *Вѣдѣніе* это было высшею премудростію : оно тѣсно соединяло человѣка съ священными стихіями воды, огня, свѣта, надъ которыми гадали и предсказывали, которымъ молились и приносили жертвы , и силою которыхъ раскрывали правду (судили) и совершали очищенія. Подъ понятіе вѣдѣнія подходили все религіозные обряды: это было полное знаніе языческаго богослуженія и его значенія въ разныхъ случаяхъ жизни.

Филологическія указанія не только вполне подтверждаютъ повѣрьями и преданьями народными, но въ нихъ получаютъ еще болѣе опредѣлительности и ясности. Повѣрья и преданія представляютъ намъ въ данномъ случаѣ такія интересныя подробности , которыя живо воссоздаютъ эпоху давнопрошедшую , старину

предсказатель , пророкъ (Бул. О вліян. христ. на Сл. языкъ стр. 174). Народное врачеваніе совершается чрезъ *заговоры* и *нашептыванія*. Въ поздѣйшее время , когда названія вѣдуна, колдунья и пр. потеряли свою филологическую распознаваемость, появились названія бабы — *лечейки* и бабы — *ворожейки*.

памятную. « Волсви и бабы кудесницы богомер-
т и множайшая волшебствуютъ » говоритъ одна
инная рукопись. (1) Колдуны, вѣдьмы, знахари и
карки до сихъ поръ еще занимаются въ разныхъ
тахъ обширной Руси *очищеніями и врачеваніями*,
одно и то же. Болѣзнь народомъ разсматривается,
в нечистая сила, которая послѣ очищенія водою
огнемъ, какъ стихіями священными, свѣтлыми,
шить удалиться. Народное леченіе основывается
нымъ образомъ на *окуриваніи, сбрызгиваніи или*
ванни и дуновеніи, при чемъ провозносятся на бо-
нь заклятія. (2) Колдуны и колдуньи только и
уть прогонять нечистую силу; а потому ихъ при-
аютъ для унятія кикиморъ, чужаго домоваго и
ныхъ враждебныхъ духовъ, поселившихся въ ка-
либо избѣ. Они обмываютъ притолки отъ лп-
докъ, они объѣжаютъ съ различными обряда-
поля, чтобы очистить ихъ отъ всякихъ гадъ и па-
омыхъ (3). Колдуны и знахари необходимы при
ебныхъ обрядахъ; они защищаютъ молодыхъ и
свадебный поѣздъ отъ нечистой силы и чаръ.
нстая сила, враждебная жизни, особенно губельно
твуетъ на молодую чету; ибо бракъ есть источ-
ь для развитія новой жизни. Отъ того-то молодыхъ
е всего надобно беречь отъ нечистой силы;
тятся отъ вѣнца, они переѣзжаютъ черезъ куль

(1) Опис. Румяниц. Муз. Восток. стр. 331.

(2) Авдѣев. Зап. о стар. и нов. бытѣ рус. стр. 134—136, 139.

(3) Сказ. Рус. Нар. т. 2. стр. 23—24. Въ Молдавіи колачунамъ
исывается сила изцѣленія застарѣлыхъ болѣзней. Они кладутъ
аго на землю, прыгають вокругъ него, шепчуть заговоры,
зывая болѣзнямъ удалиться, и поютъ пѣсни. (Отеч. Записки
ина 1828 г. № 98. Ч. XXXIV. стр. 476—478). Малор. и
ворус. нар. думы и пѣсни стр. 99.

(4) Сахар. Сказ. Рус. Нар. т. 2. стр. 95.

✓ *зажженной* соломы, и такимъ образомъ очищаются отъ всего злаго, враждебнаго; спальною молодыхъ объѣзжаютъ конюшіи съ обнаженнымъ мечемъ во всю первую ночь. По этого мало. При всякой свадьбѣ необходимъ колдунъ, который бы сберегалъ молодыхъ отъ всякой порчи. Въ Пермской губерніи при невѣстѣ всегда находится знахарка, а при женихѣ — знахарь. Знахарь ѣдетъ впереди свадебнаго поѣзда, сопровождающаго молодыхъ къ вѣнцу, — съ озабоченнымъ лицомъ, озираясь по сторонамъ и нашентыхая: это значитъ, что онъ борется съ нечистою силою, которая строитъ молодой четъ козни. (1) Къ волхвамъ даже приносили дѣтей, и они давали имъ языческія имена и навязывали ладонки, амулеты (наузы), которые служили предохранительнымъ средствомъ противъ всякаго сглаза, чаръ и вліянія нечистой силы. Въ окружной Царской грамотѣ 1648 года сказано: «а иные люди тѣхъ чародѣевъ и волхвовъ и богомерскихъ бабъ вдомя къ себѣ призываютъ и къ малымъ дѣтемъ, и тѣ волхвы надъ болными и надъ младенцы чинятъ всякое бѣсовское волхованіе.» Въ словѣ св. Кирила о злыхъ дусѣхъ проповѣдникъ возстаетъ противъ того же обычая: «а мы ныня (говоритъ онъ) хотя мало поболимъ, или жена, или дѣтя, то оставльше Бога ищемъ проклятыхъ бабъ чародѣйць, наузовъ, и словъ прелестныхъ слушаемъ» — баба «начнетъ на дѣти наузы класти, смѣривати, плююще на землю, *рекше бѣса проклинаеть*, . . творится дѣти врачующе.» (2) Вообще, во всѣхъ трудныхъ случаяхъ

(1) См. Сказ. Рус. Нар. Сахар. т. 1. (червоки.) стр. 36. т. 2 (свадьбы) стр. 17, 107—9. Очерк. Архан. губ. Верещагина стр. 181—3.

(2) Архивъ Калач: статья Буслаева, стр. 2—4. Опис. Архива стар. дѣлъ Иванов. стр. 296—298. Москвит. 1844 г. № 1 стр. 244 — 5.

жизни, когда приключится бѣда, нападетъ на сердце кручина, случится дома пропажа (напр. украдутъ корову или отгуляетъ лошадь и т. п.), угрожаетъ ли ненавистный врагъ, — во всѣхъ этихъ случаяхъ крестьянцы просятъ совѣта у колдуна и вѣдьмы, и прибѣгаютъ къ ихъ помощи. (1) Колдунъ и вѣдьма, по народному убѣжденію, тотчасъ отгадываютъ вора и открываютъ потерянную вещь. И колдунъ и вѣдьма занимаются гаданьями и предсказаніями. Крамелворская рукопись говоритъ, что Кублай собиралъ чародѣевъ и знахарей, и тѣ ему гадали: достанется-ль его войскамъ побѣда или нѣтъ? В. Кн. Олегъ спрашивалъ у волхвовъ, отъ чего онъ умретъ? Одинъ волхвъ отвѣчалъ ему: Князь, ты умрешь отъ любимаго коня. Рассказавши о томъ, какъ сбылось это предсказаніе, лѣтописецъ прибавляетъ: «се же дивно есть, яко отъ волхованія сбывается чародѣйствомъ.» Тотъ же даръ предвѣщанія имѣли и всѣ другіе волхвы, о которыхъ упоминаетъ лѣтопись: всѣ они предсказывали будущее (2). — Заговоры, эти обломки языческихъ моленій, главнымъ образомъ произносятся знахарями и знахарками. Въ заговорахъ дѣлается обращеніе къ божествамъ свѣта; тотъ, кто произноситъ ихъ, умывается росой и становится на востокъ солнца краснаго. (3)

✓ Силою заговоровъ знахари и знахарки уничтожаютъ кручину, прогоняютъ болѣзнь, измѣняютъ злобу на

(1) См. Сахар. Ск. Рус. Нар. т. 1 (Черноки.). О вѣдьмахъ у Болгаръ (Жур. М. Н. Пр. 1846 г. Дек. стр. 208).

(2) Крамел. рукоп., пер. Берха. стр. 31. П. С. Р. Лѣт. т. 1. стр. 16. (Несторъ), и др. страницы о волхвахъ, явившихся въ Кіевѣ, Новгородѣ, на Бѣлозерѣ. — Гедемину волхвъ растолковалъ его чудесное видѣніе (Вѣстн. Евр. 1821 г. № 16 стр. 310—311).

(3) См. Соврем. 1830 г. № 4. (Критика на Архивъ г. Калачова).

любовь, умиряютъ несчастную любовь, ревность и гнѣвъ, вызываютъ сочувствіе и проч. (1) Колдуны и вѣдьмы собираютъ таинственныя чудодѣйныя травы и корни, готовятъ цѣлебныя мази и снадобья: въ сказкахъ они являются владѣтелями живой и мертвой воды, ковра-самолета, чудесныхъ коней. (2) Всѣ разсказанныя нами преданія и повѣрья очень ясно указываютъ, что нѣкогда колдуны и вѣдьмы, и именно въ язычествѣ, имѣли значеніе не только *благодарное*, но и *богослужебное*, т. е. по преданіямъ и повѣрьямъ — они являются служителями боговъ свѣтлыхъ, чистыхъ.

Выше мы указали связь именъ вѣдуна и вѣдьмы съ словами *въцать*, *предвъцать*, *заговаривать*. Такая связь основаніемъ своимъ имѣетъ языческія религіозныя убѣжденія, нѣкогда жившія въ Славянинѣ. Богослуженіе его главнымъ образомъ выражалось въ мольбѣ и предвѣщаніяхъ, которыя сопровождали собой и жертвоприношенія, и гаданія, и очищенія и игрища. (3) Остатки этихъ старинныхъ моленій и предвѣщаній уцѣлѣли въ заговорахъ, заклятійхъ, загадкахъ и нѣкоторыхъ народныхъ обрядовыхъ пѣсняхъ. Священное значеніе рѣчи, обращенной къ божеству или повѣдающей волю божества, требовало выраженія торжественнаго, стройнаго; съ другой стороны, всѣ народы, на первоначальныхъ младенческихъ ступеняхъ своего развитія, любятъ пѣсенный складъ рѣчи, который звучнѣе, пріятнѣе говоритъ слуху и скорѣе впечатлѣвается въ памяти. Первая молитва у всякаго

(1) См. заговоры въ Сказ. Рус. нар. т. 1.

(2) Москвит. 1841 г. № 5 ст. 155 (И. М. Снегирева Лубоши. картины).

(3) Вспомнимъ простонародные праздники, гаданія на Троицынъ день и Семикъ, гаданіе по внутренностямъ убитой свиньи на Святкахъ, подблюдныя пѣсни и проч.

народа была и первымъ пѣснопѣніемъ; въ заговорахъ и заклятїяхъ до сихъ поръ замѣчается метръ и народная рѣзма; тоже должно сказать о загадкахъ и нѣкоторыхъ старинныхъ пословицахъ и поговоркахъ. (1) Вотъ почему пѣсни получили для народа священный характеръ; происхождение ихъ приписано божественной силѣ. По мнѣнію Украинцовъ, пѣсни не слагаются народомъ; но когда *заиграетъ* море, изъ его водъ выходятъ морскіе духи и поютъ пѣсни; люди приходятъ къ берегамъ и учатся у нихъ. Словаки поютъ:

Зпѣванкы, гдѣ сте са вы взалы,

Чи сте зъ неба падлы, чи сте раслы вѣ гаи?

Въ чешской старинной пѣснѣ Славой говоритъ брату:

Добраго пѣвца и боги люблятъ,

Пой — отъ нихъ поешь ты пѣсни. (2).

Іоакимовская лѣтопись говоритъ о *жрецѣ* Богомилѣ, что онъ *сладкорѣчїя ради нарѣченъ Соловей* (3). Тоже названіе *соловья* Слово о полку Игоревѣ даетъ пѣвцу *Бояну* (4): « о Бояне, *соловию стараго времени!* » Боянъ налагалъ на струны свои *выщїе персты*: « они же сами княземъ славу рокотаху » (5). Боянъ былъ вмѣстѣ и пѣвецъ и музыкантъ: въ это отдаленное время пѣсня и музыка сливались; и та и другая вза-

(1) Малор. и Червоноор. нар. думы и пѣсни стр. 100. См. загадки у г. Сахарова, пословицы у г. Снегирева.

(2) Москвит. 1846 г. № 11 и 12. Критика (Повѣрья, собр. Кульшомъ) стр. 154. Бодянк: О народн. поэз. Слав. племенъ стр. 43. Крадевь. рукоп., въ пер. Берха стр. 3—12.

(3) Истор. Татищева ч. 1 стр. 39.

(4) Слово *боянъ* въ Рязанск. губ. значитъ *краснобай* (*баить* — говорить), *говорунъ*. (Ч. О. И и Д. год. 2 № 6 стр. 9 Словотолков. Маварова).

(5) Слово о полку Игор. изд. Дубен. (Рус. Достоп. ч. III.) стр. 10, 22.

мно дополняли себя и равно были необходимы при языческомъ богослуженіи. Боянъ былъ народный пѣвецъ — музыкантъ, слагатель пѣсней, подобно теперешнимъ бандуристамъ, кобзарямъ (у Малороссіянъ) и слѣпцамъ — музыкантамъ (у Сербовъ), которые ходятъ по селеніямъ, и на играхъ, торжищахъ и многолюдныхъ собраніяхъ распѣваютъ народныя думы, наигрывая въ то же время на бандурѣ, кобзѣ и гусяхъ (1). О такомъ же пѣвцѣ говоритъ Слово о полку, вспоминая о Святославовомъ пѣсотворцѣ *старого времени*, а краледворская рукопись рассказываетъ о *Забой*. Забой былъ и пѣвецъ, и музыкантъ, и защитникъ боговъ, и жертвоприноситель; пѣснь Забоя говоритъ о богахъ. Съ пѣснію соединялась не одна музыка, но и пляска. Хороводъ (коло), и теперь напоминающій своею формою, мѣстомъ и временемъ совершенія отдаленную языческую старицу, соединяетъ въ себѣ и пляску и пѣніе въ одно и то же время. Славяне издавна слыли народомъ, любящимъ пѣсни и пляски — и не даромъ. Они все воспѣваютъ: и рожденіе, и свадьбу, и похороны; всѣ игры ихъ непременно сопровождаются пѣснями и пляскою, такъ что составилось выраженіе: *играть пѣсни*. (2) Связь пѣсни съ обрядами и играми прямо свидѣтельствуетъ за ихъ религіозно-богослужебное начало и значеніе. Пѣсня и пляска тѣмъ болѣе были необходимы для языческаго богослуженія, что это послѣднее требовало пировъ, на которыхъ вкушали отъ жертвенныхъ яствъ и напитковъ, требовало игрищъ, которыми выражалось торжество свѣтлой силы жизни. Вотъ почему въ ста-

(1) Бодяск: О нар. поэзіи Слав. плем. стр. 103, 109. Малорос. и Червопорус. нар. думы и пѣсни, 1836 г. стр. 7.

(2) *ibid.* стр. 21 — 22.

ринныхъ пѣсняхъ заключилось такъ много языческихъ преданій, почему въ нихъ вся природа является одушевленною, груститъ и радуется: мѣсяць, солнце и звѣзды, орлы, соколы и вѣроны, деревья и пр. — все живетъ полною жизнью (1) Пѣсня, какъ и заговоръ, получила у Славянна чудесную, чародѣйную силу, которою боги вызываются на помощь и покровительство. Въ Ипатьевской лѣтописи разсказывается объ одномъ *гудцѣ*, пѣсни котораго имѣли такую же силу, какъ зелье. Славяне приписывали пѣснямъ цѣлебное свойство отъ всѣхъ болѣзней и душевныхъ недуговъ (2). Музыка у всѣхъ народовъ, въ ихъ первоначальномъ быту, считалась даромъ свѣтлыхъ божествъ: они то научаютъ этому сладостному искусству. Лужицкое *gusslowasch* — колдовать, *gusslowag* — колдунъ, и Польское *gusla* — колдовство сродны съ нашимъ словомъ: *гусли* (3). Пѣвцы, скоморохи возсылали мольбы, проносили заклятія и заговоры, дѣлали предсказанія. Отъ того-то Боянъ, внукъ *Велесовъ*, названъ *вѣщникомъ*, *смысленнымъ* (4). Такое значеніе пѣсни, музыки и пляски объясняетъ, почему христіанство посмотрѣло на нихъ такъ непріязненно, назвало ихъ — *бѣсовскимъ* дѣломъ. Въ пѣсняхъ, музыкѣ и пляскѣ оно справедливо видѣло остатки язычества (5). Въ стихѣ о

(1) *ibid.* стр. 149 — 150.

(2) *ibid.* стр. 33. П. С. Р. Л. т. 2. (Ипатьев.) стр. 135. Въ сказкахъ говорится о гусляхъ — самогудахъ: когда на нихъ заиграютъ, то никто не въ силахъ удержаться отъ пляски.

(3) Бусл. О вліян. хр. на Слав. яз. стр. 109. Въ Чешск. *кузло* — чара, *кузельникъ* — чудесникъ (Срезн: О богосл. др. Слав. стр. 60).

(4) Слово о полку, изд. Дуб. стр. 202. Отъ Боява дошла до насъ *припѣвка*: «ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду, суда Божія не минути.»

(5) Противъ гуслей, пѣсенъ, игръ и плясокъ возстаютъ и Кириллъ Туровскій (Пам. слов. XII ст. стр. 93), и Несторъ (стр. 73), и Сто-

Страшномъ судѣ поется, что грѣшникамъ, осужденнымъ на вѣчную муку, будетъ сказано: « вы въ гусли — свирѣли играли, скакали, плясали, все ради дьявола. » На лубошной картинѣ, изображающей скомороха, встрѣчаемъ знаменательную надпись: « Богъ создалъ — іерея, а дьяволъ — скомороха. » Сопоставленіе скомороха съ іереемъ прямо указываетъ на богослужбное значеніе перваго во время язычества (1).

Всѣ разсмотрѣнныя нами данныя приводятъ къ тому заключенію, что у Славянъ были свои служители боговъ — и мужчины и женщины, и вѣдуны и вѣдуныи. Но какое они имѣли значеніе среди славянскихъ общинъ? составляли-ль особенный классъ или плѣтъ? Какое занимали мѣсто въ совершеніи религиозныхъ обрядовъ? Къ какой эпохѣ, наконецъ, надо отнести появленіе этихъ лицъ — въ исторіи Славянскаго язычества?

✕ Отправленіе богослуженія и приношеніе жертвъ первоначально принадлежало главѣ рода или семьи, слѣдов. *старшимъ*, будутъ ли это мужчины или женщины — все равно (2). Съ перенесеніемъ верховнаго значенія родоначальника на князей отправленіе богослу-

главъ (Сахар. т. 2 стр. 100 — 111), и вообще высшее духовенство. (См. Оп. Рум. Музеум. стр. 228, 551. Акт. Ар. Эк. т. 1 № № 86. 240. т. IV, № 98. Д. къ А. Н. т. 1. № 22. Опис. Арх. Ст. дѣль стр. 296 — 299).

(1) Историч. и Стат. сборн. В. (статья г. Снегирева о луб. карт.) стр. 205. Ч. О. И. и Д. год. 3, № 9, стр. 207. Въ Молдавіи колдуны даже врачуютъ съ плясками и пѣніемъ; они украшаютъ свои головы вѣнками изъ травъ и цвѣтовъ, покрываютъ лица бѣлыми платами, бродятъ по селамъ, спятъ подъ церковными кровлями, (Отеч. Зап. 1828 г. Свиньина, № 98, ч. XXXIV, стр. 476 — 8. Статья Руссова.)

(2) Это подтверждается значеніемъ слова *князь* (Ист. Сб. Погод. кв. III. стр. 82 — 89. Ист. Сист. Ходаковск.) Мысли объ Ист. Рус. яз. Срезневск. стр. 140 — 4. Кралед. рук. говорить, что *отецъ* кор-

женія перешло къ этимъ послѣднимъ, разумѣя богослуженіе общинное, публичное. Родоначальники отдѣльных родовъ и даже отцы семействъ удерживали, по прежнему, свое священное значеніе, но только въ кругу своего отдѣльнаго рода и семьи. По верховнымъ жрецамъ, священнослужителямъ для цѣлой общины, соединившей въ себѣ многія племена и роды, былъ князь, хотя онъ и обязанъ былъ рѣшать все религіозныя вопросы сообща съ стариками. Отсюда объясняются слова Нестора о совѣщаніи Владиміра Великаго съ старцами и боярами относительно измѣненія вѣры, о приговорѣ старцевъ бросить жребіи на отрока и дѣвицу — для принесенія богамъ въ жертву.

Вмѣстѣ съ постепеннымъ развитіемъ общиннаго быта у Славянъ, вмѣстѣ съ утвержденіемъ княжескаго управленія, необходимо начинаетъ развиваться и публичный характеръ ихъ богослуженія, празднествъ и игрищъ религіозныхъ. На игрища и празднества роды начинаютъ сходиться «межи селы» и совершаютъ ихъ вмѣстѣ; божества, воплотившіяся въ образы человѣческіе, изображаются въ истуканахъ (кумирахъ), которые поставляются на открытыхъ для народнаго поклоненія мѣстахъ. Въ это время становится необходимымъ, чтобы выдѣлились изъ общей массы народа люди, которымъ можно-бы было ввѣрить надзоръ за чистотою священныхъ мѣстъ и охраненіе кумировъ отъ вѣшнихъ физическихъ вліяній. Сверхъ того, къ той эпохѣ языческаго развитія, когда богослуженіе начинаетъ принимать характеръ общности, публич-

милъ боговъ; извѣстная колядка о принесеніи въ жертву козла за-
 ставляетъ *старца* готовить ножъ къ священному закланію. Все со-
 временныя остатки старинныхъ жертвенныхъ обрядовъ совершаются
стариками и старухами.

ности — относится начало затемнѣнія мифовъ и образование таинственнаго религіознаго языка. Прежде и мифъ былъ общедоступенъ, и языкъ, которымъ выражался его смыслъ и его соотношенія съ другими мифами; — для всякаго понятенъ. Но когда божества изъ простыхъ явленій природы облакаются въ чело-вѣческія формы, получаютъ субъективность и всѣ чело-вѣческія страсти и побужденія; тогда мифъ затемняется, и тѣ выраженія, которыя понятны въ при-ложеніи къ простому явленію природы, дѣлаются зага-дочными въ отношеніи къ его персонификаціи. Языкъ религіозный принимаетъ характеръ таинственный: является *заговоръ* и *загадка*. Знать смыслъ мифовъ язычества, понимать языкъ заговоровъ и загадокъ уже не могутъ всѣ, а только нѣкоторые избранные, посвятившіе себя этому священному *вѣдѣнію, знанію*. Мало по малу, путе-мъ чисто фактическимъ, начинаютъ выдѣляться изъ народа люди, одаренные большими способностями, и пользующіеся потому большимъ вліяніемъ. Дѣйствуя болѣе или менѣе подъ религіознымъ увлеченіемъ, они являются народными *учителями и предвѣщателями*: имъ понятенъ смыслъ древнихъ мифовъ и рели-гіознаго языка, они въ силахъ разгадывать и объ-яснять всякія примѣты и гаданія, они знаютъ таин-ственную силу травъ и очищеній, они могутъ со-вѣршать все чародѣйною силою заговора. Это — вѣ-дуны и вѣдуныи, волхвы или кудесники и куде-сницы. Въ народѣ раждается убѣжденіе, что они, какъ близкіе къ божествамъ и понимающіе ихъ знаменія, одарены даромъ предвидѣнія, знаютъ волю боговъ и могутъ открывать правду. Вѣдунъ слѣдов. есть тотъ, кто болѣе знаетъ религіозныя тайны, кто дарованіями своими (умомъ, рѣчью, поэтическимъ даромъ) воз-вышается надъ всѣми другими. Къ подобнымъ *вѣщателямъ*

людямъ и начинаетъ прибѣгать народъ въ нуждѣ для испрошенія помощи и совѣта. Помощь вѣдуна и вѣдуны состояла въ томъ, что они возносили богамъ молитвы и приносили жертвы, ибо имъ извѣстна была могучая сила мольбы (въ послѣдствіи — заговоръ, нашептываній и заклятій), жертвы (впослѣдствіи — чаръ) и связанныхъ съ ними очищеній. Вѣдуны нисколько не мѣшали религіозно-богослужебному значенію родоначальниковъ; тѣ и другіе не исключаютъ взаимно себя, и одинаково пользуются народнымъ уваженіемъ, тѣмъ болѣе что первоначально вѣдуны выдѣляются изъ числа тѣхъ же стариковъ, начальниковъ родовъ и семей, и особеннаго класса не составляютъ. За такое положеніе говорятъ даже современныя представленія колдуна и вѣдьмы и всѣ преданія и повѣрья, имѣющія соотношенія съ древнимъ языческимъ богослуженіемъ. Въ народѣ даже существуетъ убѣжденіе, что тайная наука волшебства хранится въ семействахъ, передаваясь изъ роду въ родъ, отъ отца къ сыну. (1) Первое извѣстіе о волхвахъ — кудесникахъ находимъ въ лѣтописи, въ разказѣ о княженіи Олега; слѣдов. появленіе волхвовъ совпадаетъ съ извѣстіемъ о кумирахъ. Впослѣдствіи изъ волхвовъ должно было образоваться сословіе *жрецовъ*, въ томъ смыслѣ, какъ мы теперь понимаемъ это слово. Въ старинномъ нашемъ языкѣ слово *жрецъ* было извѣстно. Кирилль Туровскій говоритъ въ одномъ словѣ: «не окропиша его завистивіи *жърци*»; Іоакимовская лѣтопись также упоминаетъ о жрецахъ (2); но какъ понимать эти мѣста? Жрецъ здѣсь — особенное названіе волхва, и ему принадлежало тоже значеніе, что и волхву. При-

(1) Верещаг: Очерк. Арханг. губ. стр. 187.

(2) Памят. слов. XII в. стр. 63. Татищ. Истор. ч. 1, стр. 39.

писывать нашимъ Славянамъ отдѣльное сословіе (классъ) жрецовъ, какъ это было у другихъ народовъ, имѣвшихъ вполне развитую мифологію, не позволяютъ всѣ достовѣрныя извѣстія о ихъ бытѣ. Филологически слова *жрецъ* и *волхвъ* — тождественны; оба они указываютъ только на одну сторону языческаго богослуженія, на служеніе огню и сожженіе жертвъ (1), какъ другія синонимическія названія указываютъ на другія стороны богослуженія. Впрочемъ, колдунъ также означаетъ жертвоприносителя; а кудесами называются: а) колада, праздникъ, въ которой совершалось закланіе свиньи, и б) жертва домовому. Съ бѣльшимъ развитіемъ публичнаго характера въ языческомъ богослуженіи Славянъ волхвы могли бы усвоить себѣ религіозное значеніе исключительно и образовать отдѣльное сословіе (классъ); но такой переворотъ въ религіи требовалъ медленнаго, долгаго процесса, который далеко не успѣлъ совершиться, когда появилось на Руси христіанство. Вообще надо замѣтить, что конечное развитіе язычества у насъ представляется въ тѣхъ неустановившихся формахъ, которыя прямо говорятъ объ его переходномъ состояніи изъ религіи отдѣльныхъ родовъ и племенъ въ религію публичную, общинную.

Колдуны до сихъ поръ пользуются въ народѣ бѣльшимъ уваженіемъ; на пирахъ имъ принадлежитъ первое мѣсто; ихъ бѣлье другихъ стараются угостить и употчивать (2); народъ охотно прибѣгаетъ къ ихъ помощи и совѣту. Тѣмъ не менѣе повѣрья о колду-

(1) Вліяніе Богомила на народъ и его противодѣйствіе христіанству сходны съ вліяніемъ и поступками волхвовъ XI ст. (см. Нестора).

(2) Вѣсти. Евр. 1828 г. Лѣ 3 и 6 стр. 91.

нахъ и колдуньяхъ въ теченіи многихъ столѣтій должны были во многомъ измѣниться, утратить свою прежнюю доступность, и слиться со многими повѣрьями позднѣйшаго образованія, искусственность которыхъ обличаетъ ихъ недавность. Таково, напримѣръ, различіе вѣдьмъ на *природныхъ* и *ученыхъ* (1). Всѣ приведенныя выше названія въ народѣ часто замѣняются одно другимъ; но иногда и различаются; такъ увѣряютъ, что вѣдьма не то, что ворожея и чаровница. Причина такого различенія заключается въ томъ, что самое названіе вѣдьмы, а равно и колдуна, потеряло прежнюю ясность; съ этимъ именемъ для народа соединились всѣ остатки языческихъ повѣрій и тотъ враждебный характеръ, который приданъ имъ въ христіанскую эпоху; между тѣмъ бабы — ворожейки, бабы — лечейки удержали за собою только общедоступное благотворное значеніе вѣдьмы: онѣ врачуютъ болѣзни и отгадываютъ скрытое. Поэтому самыя загадочныя преданія и повѣрья соединены съ представленіями вѣдьмы и колдуна (вѣдуна); всѣ эти преданія и повѣрья имѣютъ чисто мнѣическое значеніе: и разсматривая ихъ — мы еще болѣе убѣдимся въ сдѣланныхъ уже нами выводахъ.

Народныя повѣрья приписываютъ вѣдьмамъ и колдунамъ: 1) *полеты на Лысую гору*, 2) *скрадываніе свѣтилъ* и *доеніе коровъ* и 3) *превращенія*. Прежде, нежели станемъ разсматривать эти повѣрья, укажемъ на то, какъ представляетъ себѣ народъ вѣдуновъ и вѣдьмъ. Вѣдуны представляются *стариками*, вѣдьмы и *стару-*

(1) *Природныя вѣдьмы не дѣлаютъ людямъ зла; онѣ только защищаютъ отъ нечистой силы*. Природная вѣдьма, какъ только родится, тотчасъ можетъ летать, тогда какъ неприродной надобно учиться. (Москв. 1846 г. № 11 и 12 стр. 149. Объ Укр. нар. предан., собр. Кулѣша).

хами и молодыми. Старыхъ женщинъ часто въ брань называютъ вѣдьмами; но въ народѣ ходитъ также сказаніе о трехъ сестрахъ — дѣвицахъ, которыя повѣд-
 милась (сдѣлались вѣдьмами) и стали творить чуд-
 нья дѣла. Вообще, о вѣдьмѣ говорятъ, что она или
 старуха незапамятныхъ лѣтъ, или молодая красави-
 ца (1). Такое представленіе сдѣлается совершенно
 понятнымъ, если вспомнимъ, что языческое богослуженіе и жертвоприношенія совершались старшими въ
 родѣ, стариками и старухами, и что во всѣхъ рели-
 гіозныхъ обрядахъ дѣвы принимали живое и непре-
 мѣнное участіе. Священнослужебное значеніе старѣй-
 шихъ вполнѣ объясняется родовымъ, патриархальнымъ
 бытомъ Славянъ, а священнослужебное значеніе дѣвъ
 — самымъ характеромъ язычества, которое выше всего
 поставляло творческую силу молодости, красоты и
 плодородія, и которое обожало *красную дѣвицу зорю*
 и самое Солнце первоначально представляло въ образѣ
 юной и прекрасной женщины. Полнота дѣвственныхъ
 силъ, обѣщающихъ развитіе новой, юной жизни, не могла
 не вызвать особеннаго уваженія и сочувствія. У запад-
 ныхъ Славянъ были жрицы — старыя женщины и
 дѣвы (2). Что у насъ дѣвы имѣли религіозное освяще-
 ніе и участвовали въ богослуженіи, это свидѣтель-
 ствуется всѣми игрищами и старинными обрядами: такъ
 на красную горку дѣвицы встрѣчаютъ солнце *съ хль-
 бомъ и пѣснями* (3). Пѣсни народныя приписываютъ

(1) Сахар. Сказ. Рус. Нар. т. II. стр. 62—3. (Дневн.) Макаров. Рус. Предан. ч. 2. стр. 103—111.

(2) Козьма Пражскій говоритъ о дѣвахъ — вѣщуньяхъ; у Руянъ женщины гадали предъ очагомъ (Срезнев. о язык. богосл. древ. Слав. стр. 60—61, 81).

(3) Вѣсти. Евр. 1821 г. № 3. стр. 193 Февр. У другихъ Славянъ дѣвицы совершаютъ подобный же обрядъ 24 Юня (Ж. М. Н. Пр. 1846 г. Июль, статья Срезнев. Обожаніе солнца у Слав. стр. 40).

дѣвицамъ чародѣйную силу: онѣ могутъ оборачиваться и составлять таинственные зелья. Особенно любопытна пѣсня о томъ, какъ дѣвица составляла зелье; пѣсня эта сохранилась во многихъ вариантахъ, и подробно передаетъ этотъ волшебный обрядъ:

✓ Какъ по крутому, по красному бережку,
 Что по желтому, сыпучему песочку,
 Какъ ходила, тутъ гуляла красна дѣвица,
 Она рыла себѣ кореньица, зелье лютое,
 Натопила она кореньица въ меду, въ патоку;
 Напоила добра молодца до пьяна. Или:
 Брала стружки красна дѣвица,
 Бравши стружки на огонь клала,
 Все змѣй пекла, зелье дѣлала...
 Капнула капля коню на гриву,
 У коня грива загорѣлася (1).

Въ краледворской рукописи рассказывается: когда явилась княжна Любуша въ *бѣлой* одеждѣ и сѣла на отчемъ столѣ, среди собраннаго вѣча —

Вышли двѣ разумныя дѣвицы
 Съ мудрыми судейскими рыцями:
 У одной въ рукахъ скрѣжали правды,
 У другой же мечъ каратель кривды,
 Передъ ними пламень правдолюбивникъ,
 А за ними воды очищенья.

Въ подлинникѣ: «*двѣ вѣгласны дѣвѣ, выученѣ вѣсть-*

(1) Въ другихъ вариантахъ рассказывается: вечеромъ красная дѣвица копала коренья, мыла ихъ чисто на чисто въ синемъ морѣ (или: Дунай-рѣкѣ), сушила ихъ сухо на сухо, стирала мелко на мелко; или: змѣй пекла, ужа жарила; также: брала Марина горячіе сѣды Добрыни и клала ихъ въ затопленную печь, а сама приговаривала: какъ жарко дрова съ молодецкимъ сѣдомъ разгораются, такъ разгоралось бы по мнѣ сердце Добрынино:

А и Божье крѣпко, вражье — то лѣпко,
 Взяло Добрыню пуше остраго ножа.

(Сахар. Сказ. Рус. Нар. т. I. стр. 26, 202, 206. Др. Рос. Стих. стр. 303, 63. Терещ. ч. V. стр. 172. Отеч. Зап. 1840 г. № 2, смѣсь стр. 27).

бамъ » (1); *вгласный* (2) и *въстьбы* (отъ *въщять*, *въщій*) — слова, имѣвшія чисто религіозное значеніе. Ясно, что здѣсь говорится о дѣвахъ *вѣдуныхъ*. Судъ въ эпоху языческую имѣлъ значеніе религіозное и совершался въ священныхъ мѣстахъ; судъ водою и огнемъ, о которомъ говоритъ и приведенное сейчасъ мѣсто *краледворской* рукописи, былъ *судъ Божій*: огонь и вода — стихіи священные, обоготворенныя. Жребій и рота, употреблявшіеся въ древнемъ судѣ, были также обряды религіозные. Служители божества, которымъ была вѣдома сила священныхъ стихій, которые *гадали* и *предсказывали* (3), также открывали и правду и кривду. Въ нашихъ памятникахъ также есть слѣды, что въ старину судъ совершался въ мѣстахъ, освященныхъ присутствіемъ божества. (4) Самая княжна Любуша соединяла въ рукахъ своихъ власть судебную и религіозную; бѣлая одежда ея указываетъ на священное значеніе (5). Вѣдьмы, по нашимъ преданіямъ, ночью появляются въ *бѣлыхъ* распущенныхъ сорочкахъ.

(1) *Кралед. рук.*, пер. Берха стр. 63—64. Слово о полку, изд. Грамат. стр. 16, 32. Дѣвы эти собирали въ священные сосуды голоса.

(2) *Невгласи* въ лѣтописи Нестора значить: непросвѣщенные христіанствомъ.

(3) Ворожба и гаданія главныя занятія вѣдуновъ и вѣдуней.

(4) Въ Псковской судной грамотѣ читаемъ: «а который позовникъ пойдетъ неса *звати на судъ*, и той пованный *не пойдетъ на погостъ къ церкви позывницы чести...* иво позывница прочести на погосте *предъ попомъ*» — «а противъ той рядницы не будетъ *во святой церкви въ лари* въ тѣжъ рѣчи другой...» Нѣтъ ничего удивительнаго, что духовенство, при введеніи христіанства, такъ легко могло пріобрѣсти важное участіе въ судебныхъ дѣлахъ. (стр. 5, 7 и др.), При Штетинскомъ храмѣ Славяне сходились разсуждать объ общинныхъ дѣлахъ (Срезнев. *Архитект. храмовъ языч. Слав.* въ Чт. О. И. и Д. Р. годъ 2. № 3. стр. 47).

(5) Въ Богеміи есть преданіе о княжнѣ Любушѣ — предвѣщательницѣ будущаго (Москвит. 1841 г. № 11. стр. 129—130. Богемск. пред.) Богослужбное значеніе женщинъ и дѣвъ подтверждаютъ названія городищъ: *бабы* городки, *дѣвичы* (*дѣвич*) грады, дѣвичъ —

По почамъ вѣдьма обыкновенно *разчесываетъ по плечамъ косы, надѣваетъ бѣлую рубашку, садится верхомъ на помело (вѣвникъ, ухватъ, лопату, кочергу, метлу), завариваетъ въ горшкѣ зелье и вмѣстѣ съ дымомъ очага уносится въ трубу на вольной свѣтъ. Такъ отправляется она портить молодцовъ и дѣвицъ, доить чужихъ коровъ, гулять на Лысую гору. У вѣдьмы всегда хранится чудодѣйственная вода, вскипеченная вмѣстѣ съ пепломъ отъ купальскаго костра: когда она захочетъ летѣть по воздуху, то обрызгиваетъ себя этою водою и тотчасъ уносится, куда захочетъ (1). Но главные полеты вѣдьмъ бывають два раза въ году, на Лысую гору (или чертово беремце). На Лысую гору летаютъ ни одиѣ вѣдьмы, но и колдуны (также на помелахъ, метлахъ, лопатахъ) и бабы — яги (2) и нечистая сила (черти) (3). Если схватиться за вѣдьму, когда она собирается летѣть, то она вынесетъ вмѣстѣ съ собою на мѣсто ихъ *сборища*. Полеты колдуновъ и вѣдьмъ совпадаютъ съ двумя главнѣйшими празднествами язычества: колядою и купалою. Зимній праздникъ коляды пріуроченъ теперь ко времени отъ Рождества до Крещенія, потому что праздникъ овсень есть продолженіе коляды. Съ 26 Декабря, когда начинаются *бѣсовскія потѣхи* и *нечистые духи* посѣщаютъ землю, вѣдьмы летаютъ на Лысую гору, на *шабашъ* и *сдружаются тамъ съ нечистою силою*; 1 Января вѣдьмы заводятъ съ нечистыми духами *почныя прогулки* (4) а 3-го, *возвращаясь съ**

гора, книжника, книжницы, книжницецъ и пр. (Ист. Сборн. ч. I. стр. 37, 64, ч. VII. стр. 44, 160—1, 203—7. статьи Ходаковского).

(1) Илюстрац. т. I. (статья Даля) стр. 413.

(2) Баба — яга летаетъ по воздуху въ ступѣ, съ *помеломъ* и *пестомъ* (*костылемъ*). Илюстр. т. I. стр. 298. Терещ. ч. VII. стр. 162.

(3) Связь вѣдьмы съ нечистою силою есть результатъ позднѣйшаго христіанскаго вліянія.

(4) 1 Января *нечистая сила, прогуливаясь по озерамъ и рѣкамъ,*

гулянья, задаиваютъ коровъ; слѣдовательно дѣятельность ихъ главнымъ образомъ обнаруживается на коляду и въ ближайшее къ этому празднику время. 18 Января вѣдьмы уже *теряютъ память отъ излишняго веселья*: это послѣдній день зимняго гульбища. Въ ночь на 24 Юня колдуны и вѣдьмы во множествѣ собираются на Лысую гору; здѣсь они *совѣщаются* на пагубу людей и домашнихъ животныхъ (1). Такая связь полетовъ колдуновъ и вѣдьмъ съ двумя главными и сходными по значенію праздниками — яснѣе всего говоритъ за религиозно — богослужебной смыслъ этихъ полетовъ. Собраніе колдуновъ и вѣдьмъ, ихъ шабашъ, есть миѳическое представленіе древняго языческаго богослуженія, которое совершалось съ особеннымъ торжествомъ. Праздники коляды и купалы совпадаютъ съ поворотами солнца. На коляду, когда мѣсяцъ встрѣчается съ ясною зарею, когда пѣтухи рано запѣваютъ, привѣтствуя восходящее солнце, празднуется возвратъ этого божественнаго свѣтила (2); на коляду гадаютъ о будущемъ урожаѣ и будущей жизни, поютъ обрядовыя пѣсни; въ незапамятную старину на коляду приносили въ жертву козла и свинью. (3) Вѣ Ивановъ день бываетъ тоже встрѣча солнца, которое, какъ невѣста убранная и украшенная, выѣзжаетъ на встрѣчу своего жениха — мѣсяца; это праздникъ полнаго развитія силъ природы, праздникъ жертвоприношеній и очищеній.

бросаетъ печуй — траву для *унатія бури*. (Сахар. Сказ. Рус. Нар, т. I. стр. 44—5),

(1) Макар. Рус. пред. ч. 2. стр. 103—111. Сахар. Сказ. Рус. Нар. т. 2 (днѣви.) стр. 3, 4, 7, 41, 70. Терещ. Быт. Рус. Нар. ч. V. стр. 75, 87. Снегир. Рус. Прост. праздн. ч. III. стр. 86. ч. IV. стр. 33—34. Стат. Дая: «равноденственные дни принадлежатъ кудесникамъ, и известная въ Украинѣ воробьиная ночь посвящена вѣдьмамъ» (Плюстр. т. I. стр. 251).

(2) Саха. Сказ. Рус. Нар. т. I. (пѣсни) стр. 22 и 23.

(3) *ibid.* стр. 16. т. II. стр. 70, Терещ. ч. VII. стр. 4, 6, 48, 101 и др.

Въ это время собираютъ таинственныя травы, гадаютъ и поютъ эту знаменательную пѣсню :

Съ той вербы капля упала ,

Озеро стало.

Въ озерѣ самъ боиъ купався.

Съ дитками, судитками. (1)

На Лысой горѣ собираются колдуны, вѣдьмы и бабы-яги — лица, которымъ преданія придали все, относившееся къ языческому богослуженію: ворожбу, гаданіе, врачеваніе и проч. Баба — яга, по свидѣтельству народныхъ сказокъ, знаетъ будущее, предвѣщаетъ, подаетъ благіе совѣты. (2) Собраніе колдуновъ и вѣдьмъ указываетъ на появленіе общественныхъ празднествъ, на которыхъ роды и племена соединялись вмѣстѣ и сообща совершали религіозныя игрища. Тоже подтверждается современнымъ празднованіемъ коляды и купалы, которое совершается цѣлою деревенскою общиною. Колдуны и вѣдьмы летаютъ на *гору*, которая лежитъ у *Кіева*. Кіевъ былъ главный городъ язычества, въ немъ жилъ великій князь, въ немъ стояли кумиры; понягну, почему вѣдьмѣ придается эпитетъ: старой *Кіевской*. (3) Горы у Славянъ — язычниковъ были священными мѣстами жертвоприношеній и игрищъ. Кумиры Перуна и другихъ боговъ стояли на холму (4); здѣсь приносили жертвы «и осквернися кровьюми земля Руска и холмъ отъ.» Въ Новгородѣ кумиры были поставлены надъ Волховомъ. Изцѣленный Христомъ че-

(1) Терещ. Быть Рус. Нар. ч. V. стр. 78, 83.

(2) Макар. Русс. пред. ч. 1. стр. 60—63, ч. 2. стр. 17—23.

(3) Сахар. Сказ. Рус. Нар. т. 1. (заговор.) стр. 26, 44.

(4) Владиміръ, послѣ принятія христіанства, велѣлъ ставить церкви по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ стояли кумиры «и постави церковь Василія на холмѣ, идѣже былъ Перунъ... идѣже творяху потребности князь и людьє» (П. С. Р. Л. т. 1. стр. 31. Сравни. Вѣсти. Евр. 1819 г. ч. CVI № 13. стр. 42—43).

ловѣкъ говоритъ, въ словѣ Кирилла Туровскаго, жидамъ: «чили на *высокия холмы* хотите мя повести, идѣже вы своя дѣти бѣсомъ закаласте?» (1) У другихъ Славянскихъ племень купальскіе и соботскіе огни разводятся по *горамъ* (2). Старинныя географическія названія горъ прекрасно подтверждаютъ иѣкогда — священное ихъ значеніе. Ходаковской приводитъ пятнадцать названій «*Лысая гора*» — въ Славянскихъ земляхъ; почти у всѣхъ Славянъ есть свои священныя *красныя, русыя, червонныя, гремучія, черныя* и *поклонныя* горы. Существуютъ городища: *лысецъ, лысково, лысины, лыцово, гремячая гора, ясна гора, черногоры, черногорка, змища гора* и т. п. (3). Эти названія — знаменательны: *красная* (ясная, русая, червонная,) и *черная* горы говорятъ о поклоненіи божествамъ свѣтлымъ и темнымъ; въ одной пѣснѣ поется:

На *красной горь,*
 На *всей высотѣ,*
 Крестись и молись,
 Земно кланяйся (4).

До сихъ поръ на *красныхъ горкахъ* встрѣчается у насъ весна и солнце съ хороводными пѣснями и приношеніемъ хлѣбовъ. Горы *гремучія, змища* (5) свидѣ-

(1) Полн. Собр. Р. Л. т. I. стр. 22, 34. Памяти. Слов. XII. ст. стр. 61.

(2) Въ Шлезіи есть *соботская гора*. — См. Москвит. 1844 г. № 9. стр. 214, 222 (о Фриульск. Слов.).

(3) Ист. Сбор. Погод. ч. VII. (Ходаковк. статья), стр. 128, 193, 146, 237—8, 313, 334. Терещ. Бытъ Рус. Нар. ч. V. стр. 15. О лысыхъ горахъ у Сахар. т. 2. стр. 41; П. М. Снегирева. Рус. простаи. праздн. ч. IV. стр. 34. Въ Тамбов. губ. есть село «Лысыя горы» (Вѣсти. Евр. 1820 г. № 23. стр. 186).

(4) Ч. О. И. и Др. годъ 3. № 4. Словотолк. Макарова стр. 147. Вспомнимъ выраженія: *красное солнушко, красная зоря*. Въ числѣ названій городищъ встрѣчаемъ: *бѣлые, черныя городки* (боги, воды, лѣса, стоки и др. — Ходаковск. Истор. Сбор. ч. I. стр. 6, 13, 37 и др.).

(5) Многія горы получили свое имя отъ Перуна; связь огнепашаго змѣя съ горою — извѣстна.

тельствуютъ объ особенномъ поклоненіи молніи. Труднѣе объяснить значеніе *Лысой* горы. Есть выраженіе: *Лысый бѣсъ*. *Лысый* собственно значитъ открытій, голый: лысая гора, т. е. такая, возвышенность которой открыта; на ней нѣтъ ни жилья, ни растительности; слѣдов. она представляетъ мѣсто, удобное для религіозныхъ игръ и обрядовъ. Вокругъ священныхъ горъ росли заповѣдныя лѣса; около Кіева, по извѣстію Нестора, «бѣ боръ великъ.» Воймиръ, въ чешской пѣснѣ, сожигалъ жертву у горы, близъ темной дубровы:

Эту гору полюбили боги (1).

Но вершина горы необходимо должна быть открытою. Въ нашемъ народѣ существуетъ повѣрье: *гдѣ вѣдьма полюбитъ гору, тамъ не скоро поселятся люди* (2). Это повѣрье понятно. Гора, на которой совершались религіозныя игры и обряды, была священная; къ ней чувствовали особенное благоговѣніе, и она нисколько не назначалась къ заселенію. Даже въ христіанскую эпоху къ такой горѣ, сдѣлавшейся *нечистою*, приближались со страхомъ. — Два раза въ году на горахъ совершались *особенно* — торжественныя обряды жертвоприношеній, очищеній, мольбы, игрищъ; о нихъ запомнилъ народъ и облекъ ихъ въ мифическую форму.

✓ Колдуны и вѣдьмы летаютъ на помель, ухватъ и проч., уносясь въ трубу вмѣстѣ съ дымомъ. Вѣрованіе въ полеты колдуновъ и вѣдьмъ — должно находиться въ тѣсной связи съ ихъ превращеніями. Обращаясь въ

(1) Макарь. Словотолк. (Ч. О. И. и Д. годъ 3. № 5. стр. 137). Краевед. рук., пер. Берха. стр. 19—20. Купала и семикъ празднуются въ лѣсахъ и рошахъ.

(2) Макарь. Рус. предан. ч. 2. стр. 110—111. У Германцевъ вѣдьмы летаютъ на Броккенъ и Броксбергъ (Снег. Рус. прост. праздн. ч. III. стр. 867).

сокола, лебедя и проч., колдуны и вѣдьмы свободно летаютъ по поднебесью. Труба есть необходимая принадлежность домашняго очага; она даетъ возможность совершаться горѣнію и служить проводникомъ дыму. Труба — единственный путь для сообщенія священнаго охранительнаго огня съ небомъ; этимъ священнымъ путемъ посѣщаетъ избу Славянина вся божественная сила: въ трубу летаетъ и огненный змѣй, въ трубу заглядываютъ и нечистые духи, желая повредить челоуѣку. (1) *Помело, кочерга, ухватъ, лопата, вѣникъ* — все атрибуты очага и потому предметы священные въ язычествѣ: помеломъ (вѣникомъ) выметается изъ печи зола; когда приносятъ въ жертву домовому вѣтуха, то кровь его выпускается на *голикъ*, который получаетъ таинственную силу (2); вѣникъ употребляется при народномъ врачеваніи; кочергою разгребаются уголья, разбиваются головни; ею ударяютъ баднякъ на коляду, съ мольбами на счастье и плодородіе; лопатою сажаютъ въ печь хлѣбы. Все эти атрибуты *очага* получили въ глазахъ язычника религіозное значеніе, и были первыми орудіями при его жертвоприношеніяхъ (особенно очагу) и богослуженіи. Не одни колдуны и вѣдьмы ѣздятъ верхомъ на помелѣ, ухватѣ и проч.; подобное дѣйствіе до сихъ поръ соблюдается при совершеніи нѣкоторыхъ особенно важныхъ обрядовъ, видимыхъ остатковъ язычества. Такъ при опаживаніи, когда изгоняется нечистая сила смерти, одна старая женщина ѣдетъ впереди на помелѣ, въ одной сорочкѣ и съ распущенными волосами. Ее окружаютъ женщины и дѣвицы съ ухватами, кочергами, помелами, косами и серпами, которыми они машутъ по

(1) Сахар. Сказ. Рус. Нар. т. 2. стр. 11.

(2) Архив. г. Калач. статья Дѣдушка — домовою стр. 24.

воздуху, вертась въ исгумленной пляскѣ и съ дикимъ крикомъ проклиная смерть. За тѣмъ нагая женщина везеть соху, которою проводится завѣтная черта *круга*; и её тоже окружають женщины и дѣвицы, однѣ несуть зажженные лучины, другія сильно ударяють въ *заслонки, сковороды, тазы* и т. п. (1). Всѣ участвующія въ этомъ обрядѣ являются въ однѣхъ *бѣлыхъ сорочкахъ*, съ *распущенными косами* (2). Такимъ образомъ и всѣ другіе атрибуты кухни и даже нѣкоторыя земледѣльческія орудія употреблялись при языческомъ богослуженіи, которое еще не успѣло развиться до того, чтобы создать особенныя жертвенныя и богослужебныя орудія (3). Все представлялось еще въ первобытной дѣтской простотѣ. Только предметами, составлявшими достояніе и принадлежность *очага* можно было прогнать нечистую силу смерти; черта, проведенная помеломъ, была неприступная, заповѣдная; только помеломъ можно было *очистить* извѣстное мѣсто. Каждый годъ, заклиная различныхъ гадъ, знахарки объѣзжаютъ луга и поля на помелахъ *отъ запада на востокъ*, махая кнутомъ по воздуху, ударяя имъ по землѣ и произнося заговоры (4). Для истребленія клоповъ и таракановъ объѣзжаютъ *вокругъ* дома три раза, верхомъ на кочергѣ. Заклиная мышей, истребляющихъ скирды и стога, знахарь беретъ пу-

(1) Сахар. Ск. Рус. Нар. т. II. стр. 13. Терещ. Быт. Рус. Нар. ч. VI. стр. 40—42. Снегирева. Рус. простои. празд. ч. I. стр. 204. ч. III. стр. 156.

(2) На масляницу окрутники бьютъ въ *бубны* и *тазы*; колядчики поють пѣсни, ударяють въ бубны, и бьютъ въ лукошные барабаны; при похоронахъ Костромы *старшая дѣвица* бьетъ въ *лукошко*. (Сахар. Сказ. Рус. Нар. т. 2. стр. 90. Терещ. Быт. Рус. Нар. ч. VII. стр. 336. Чт. О. И. и Д. Р. годъ 1. № 2. стр. 19).

(3) *Рышетомъ* гадаютъ.

(4) Сахар. Сказ. Рус. Нар. т. 2. стр. 93.

чокъ колосевъ и сѣна, кладеть его въ печь и *зажигаетъ* раскаленною кочергою (1). Кочерга слѣдов. имѣла тоже чудесное значеніе, что и помело; и причина — попятна. Кочерга, какъ видно изъ обрядовъ заклинанія мышей и сожженія бадняка, была необходимымъ орудіемъ при жертвоприношеніи очагу; великое и чародѣйное значеніе жертвы перешло на кочергу, какъ и на помело. Что вѣдуну и вѣдьмѣ принадлежало и совершеніе жертвъ, это (кромѣ вышеприведеннаго обряда заклинанія мышей) подтверждается еще слѣдующими положеніями: на Семень день знахари и знахарки гасятъ на очагѣ старый огонь и возжигаютъ новый, съ особенными обрядами (2); вѣдьмѣ, для ея чаръ, необходимы *ножь*, *шкура* и *кровь*, слѣдов. необходимо все то, что принадлежитъ къ жертвенному обряду (3). *Ножь*, которымъ совершалось закланіе жертвы, получилъ то чародѣйственное значеніе, по которому онъ явился необходимымъ орудіемъ при обращеніяхъ вѣдьмъ и при доеніи ими коровъ (4). *Шкура* животныхъ служитъ для обереганья отъ вліянія нечистой силы; на ней гадаютъ (5). Кровь жертвенная имѣла великую цѣлебную силу; ею мазали лобъ, щеки и подбородокъ. Еще Кириллъ Туровскій упоминаетъ объ

(1) *ibid.* стр. 9. Авдѣев. Записки о стар. и нов. рус. бытѣ стр. 143—4. Терещ. ч. V. стр. 147—8. Мать невѣсты выходитъ на встрѣчу молодымъ, сидя на *кочергѣ* или *вилахъ*, съ горшкомъ, наполненнымъ водою и овсомъ. (Абевега стр. 44—5, 51). См. у Сахарова (Сказ. Рус. Нар. т. 2. стр. 86) объ обрядѣ *моргостья*.

(2) Терещ. Бытѣ Рус. Нар. ч. V. стр. 145.

(3) Иллюстрац. т. I. стр. 415.

(4) См. ниже. Если воткнуть ножъ въ вихрь, то онъ непримѣнно расскажетъ будущее. Позднѣйшее затемнѣнное пониманіе мѣа произвело повѣрье будто вѣдьма бьется ножей, воткнутыхъ подъ верхнюю доску стола.

(5) На Святки бываетъ гаданье надъ пролубью, близъ которой растіяется воловьѣ шкура.

окропленіи кровію козліс. Когда у дѣтей прорѣзываются зубы, то для унятія боли мажутъ у нихъ десна кровію чернаго пѣтуха. Знахарь, чтобы пріобрѣсти силу изцѣлять зубную боль прикосновеніемъ руки, долженъ задушить чернаго крота двумя пальцами или вымазать свои пальцы его кровію (1). Колдуны совершаютъ кудеса (т: е: закаляютъ домовому пѣтуха); они умѣютъ допрашивать вихрь о будущемъ урожаѣ и состояніи погоды. Допросъ этотъ совершается такъ: колдунъ втыкаетъ одною рукою въ кружащійся вихрь пожъ, а другою держитъ пѣтуха (2). Самое повѣрье о полетахъ вѣдьмъ вмѣстѣ съ дымомъ въ трубу произошло изъ перенесенія на нихъ могущественной силы жертвы. Жертва сжигалась на очагѣ; дымъ отъ нея возлеталъ черезъ трубу къ небу, изначальному жилищу боговъ свѣтлыхъ; сила жертвы была такъ велика, что ради ея боги не могли отказать человѣческой мольбѣ, ради ея боги благосклонно выслушивали и исполняли человѣческія просьбы. Отъ того, впоследствии, жертва вмѣстѣ съ заговоромъ (мольбою) получила значеніе чародѣйное. Сила жертвоприношенія была перенесена на самыхъ жертвоприносителей и выразилась въ особенномъ мнѣніи о полетѣ вѣдуновъ и вѣдьмъ. Это особенно ясно изъ того повѣрья, что вѣдьмы, желая летѣть, окропляютъ себя водою, смѣшенною съ пепломъ отъ жертвеннаго купальскаго костра. Только сила жертвенныхъ приношеній могла придать мольбамъ вѣдьмы и вѣдуна могущество, только этою силою мольбы ихъ достигали неба, или говоря мнѣическимъ языкомъ: только этою

(1) Знахарь, приступая къ врачеванію водою, также напередъ обмакиваетъ въ нее свои пальцы (Малор. и Червопор. думы стр. 99—100).

(2) Памят. Слов. XII. в. стр. 63. Терещ. ч. VI. стр. 24. ч. VII. стр. 246. Иллюстр. т. I. стр. 503. (статья Дая).

силою вѣдуны и вѣдьмы могли летать. Подъ трубою, въ которую уносятся колдуны и вѣдьмы, не должно разумѣть только *трубу*, въ ея обыкновенномъ смыслѣ. Еще и теперь не на всѣхъ избахъ деревенскихъ найдете трубы; есть избы *курныя* (*курить* — дымомъ); тѣмъ болѣе такое явленіе было обыкновеннымъ въ отдаленной древности, среди населенія бѣднаго и мало-развитаго. Подъ трубою въ данномъ случаѣ надо понимать всякое отверстіе, въ которое могъ бы выходить дымъ; для этого служить во многихъ избахъ дверь и окно волоковое. Въ простонародномъ языкѣ трубу называютъ *дымовникъ*, а волоковое окно въ курныхъ избахъ — *дымоволокъ* (*дымъ* — *волочить*) (1). Въ одномъ заговорѣ разсказанъ такой религіозный обрядъ: «встану я не благословясь, пойду не перекрестясь, ни дверьми, ни воротами, а дымнымъ окномъ, да подвальнымъ бревномъ... побѣгу въ темный лѣсъ, на большое озерцо» (2): отсюда видно, что для болѣшей силы мольбы, отправляясь въ священные лѣса и къ священнымъ водамъ, выходили изъ дому иногда въ «дымное окно», слѣдов. тѣмъ путемъ, который *окурень дымомъ*, и потому свободенъ отъ всякаго вліянія нечистой силы и злыхъ чаръ.

Вѣдьма уносится въ трубу въ бѣлой сорочкѣ и съ распущенными косами; также въ однихъ бѣлыхъ сорочкахъ и распустивъ косы совершаютъ женщины опаживаніе. Бѣлая одежда и раскиданныя по плечамъ волосы были необходимы для тѣхъ, которыя участвовали въ служеніи божествамъ свѣта. Бѣлый цвѣтъ —

(1) Макаров. Словотолк. Прост. (Ч. О. И. и Д. Р. № 9. годъ 2. стр. 21).

(2) Сахар. Сказ. Рус. Нар. т. I. (загов.) стр. 35. Слова: «не благославясь, не перекрестясь» ясно говорятъ о языческомъ смыслѣ обряда.

цвѣтъ свѣтлыхъ божествъ, потому священный и бла-
готворный. Распущенная коса — символъ дѣйстви-
тельныхъ, полныхъ силъ. Въ христіанскую эпоху *простово-*
волосіе (непокрытая и распущенная коса) стало раз-
сматриваться, какъ грѣхъ (1).

Что же дѣлаютъ, по народнымъ повѣрьямъ, колдуны
и вѣдьмы — на Лысой горѣ? — Они собираются туда
для *совѣщаній* (2) и общаго *веселья, пиршества*. И со-
вѣщанья и пиршества были необходимыми условіями
языческаго богослуженія и игрищъ. Изъ преданій на-
родныхъ видно, что колдуны и вѣдьмы на Лысыхъ
горахъ *веселятся (гуляютъ)* до безпамятства и *сдру-*
жаются съ нечистою силою. Это, какъ пельза болѣе,
соотвѣтствуетъ характеру языческихъ празднествъ, ко-
торья сопровождались пѣснями, музыкой, плясками,
публичнымъ совершеніемъ браковъ и очищеній, тре-
бовавшихъ полнаго обнаженія (на пр. очищеніе ку-
паньемъ въ рѣкахъ); сверхъ того, празднества эти
соединялись съ общественными пирами, на которыхъ
ѣли жертвенныя яствы и пили жертвенные напитки
(медъ) — до излишества. √Поклоненіе оплодотворяю-
щей силѣ солнца и молніи родило нецѣломудренный
праздникъ Ярилы. Лѣтописцы, проникнутые духомъ
христіанскаго ученія, смотрѣли на эти празднества,
какъ на крайнее явленіе разврата и безнравственности.
Несторъ описывая религіозныя игры нѣкоторыхъ Сла-
вянскихъ племенъ, на которыхъ совершалось обрядо-
вое похищеніе женъ, замѣчаетъ, что браку у этихъ
племенъ не было. Неизвѣстный лѣтописатель пере-

(1) Отеч. Зап. 1849 г. № 40 (статья Небольсина) стр. 230. Ру-
салки и лихорадки представляются народомъ простоволосыми. О хри-
стіанскомъ противодѣйствіи обряду вожденія по деревьямъ женщинъ съ
распущенными косами. См. Терещ. ч. III. стр. 39. Сахар. т. 2. стр. 97, 101.

(2) Рус. прост. празд. ч. I. стр. 173.

дасть это сказаніе Пестора въ болѣе подробныхъ, но тѣмъ не менѣе вѣрныхъ чертахъ: «А Радимичи и Вястичи и Сѣвера... живуще въ лѣсахъ, и *срамословіе* и *нестыденіе възлюбиша и предъ отци и снохами и матерми, и браци не възлюбиша*; но игрища mezi сель «и ту слегахуся, рищюще на плясаніа, и отъ плясаніа познаваху, котороа жена или дѣвица до младыхъ похотеніе иматъ, и отъ очного възрѣнія, и отъ обнаженіа мышца... тажъ потомъ целованіа съ лобзаніемъ «и плоти съ сердцемъ ражегшися слагахуся.» Остатки подобныхъ празднествъ и игръ жили въ народѣ до позднѣйшаго времени, о чемъ свидѣтельствуетъ Стоглавъ, грамота царская 1648 г., посланіе Памфила, игумена Елеazarова монастыря, Псковскимъ властямъ и патриаршіи указъ Іоакима (1684 г.) По указаніямъ этихъ памятниковъ на коляду и купалу, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и на троицынъ день и на всевятское заговѣнье, по городамъ и селамъ сходились «мужи и жены и дѣвицы на *ночное плещеванье* (*плесканіе* — обрядъ, совершавшійся надъ водою и замѣнявшій бракосочетаніе (1)) и на безчинной говоръ, и на плясаніе и на скаканіе и на богомерская дѣла, и егда пощъ мимо ходитъ, тогда отходятъ къ рѣцѣ съ великимъ кричаніемъ, аки бѣснїи умываються водою» — «возбѣются въ *бубны* и въ *сопели* и *гуденіемъ струннымъ*... и главами киваніемъ... и хребтомъ ихъ вихляніа, и ногамъ ихъ скаканіе и топтаніе» — «и ходя по водамъ («на купалу») шумы творятъ всякими играми и всякими скомрашествы, и пѣсни...» (2) По Болгарскому

(1) См. свидѣтельство кирика (въ Рус. Дост. т. I.)

(2) Супрасл. Рукоп. стр. 169. Сахар. Сказ. Рус. Нар. т. II. стр. 38, 101—3, Доп. къ А. Ист. т. I. № 22. Описаніе Архив. стар. дѣлъ, Пванова стр. 297. Простон. праздн. Снегирева. ч. 1. стр. 37—38.

повѣрью, вѣдьмы ходять ночью по рѣкамъ, раздвываясь до нага, и собирають отъ дѣховъ совѣты, какъ отвращать человѣческія бѣды и несчастья (1): повѣрье это имѣетъ тождественное значеніе съ свидѣтельствами о праздникахъ коляды и купалы. Такое «срамословіе и безстудство» въ эпоху христіанства представлялось до того печистымъ, грѣховнымъ, что родилось повѣрье объ участіи въ этихъ празднествахъ темныхъ, злыхъ дѣховъ и о связяхъ ихъ съ вѣдьмами (2). Мы выше говорили о священномъ значеніи пѣсенъ, музыки и плясокъ въ язычествѣ; теперь показали, что празднества непременно требовали и пѣсенъ, и музыки, и плясокъ, которыми сопровождалась и всѣ другіе богослужебные обряды; такъ напр. обрядъ опахиванія. Въ глубокой древности, у народа грубаго музыкальные инструменты могли быть самыя простыя, несовершенныя, и даже вмѣсто ихъ употреблялись сковороды и заслонки, въ которыя били и звонили. Мы имѣемъ преданія о пѣсняхъ и пляскахъ вѣдьмъ на Лысой горѣ. Здѣсь онѣ пляшутъ *вокругъ чортова требища* (т. е. вокругъ жертвенника), *съ неистовымъ торжествомъ* и совершая разныя таинственныя обряды (3). Пляска — обыкновенное и любимое занятіе вѣдьмъ. Если въ лѣтнее время поселяне замѣтятъ на *лугахъ* зеленые или желтые *круги*, появляющіеся вслѣдствіе естественныхъ физическихъ вліяній; то они заключаютъ, что хозяинъ этого поля, если онъ *старикъ*, самъ *поверстался въ колдуны на этихъ кругахъ*, или *старшая женщина* въ его семьѣ *покумилась съ вѣдьмами, которыя собираются*

(1) Ж. М. Н. Пр. 1846 г. Декабр. стр. 208.

(2) При этомъ забыто значеніе нечистой силы, какъ губительной всякому оплодотворенію; помнили только нецѣломудренный характеръ языческихъ празднествъ.

(3) Снегирева Рус. простов. праздни. ч. 3. стр. 86, ч. 4. стр. 34.

на эти круги плясать каждую ночь (1). Стало быть вѣдьмы и колдуны плясали въ кругу или водили хороводъ (коло). Круговая лпнія была священная, черезъ которую не могла переступить нечистая сила (2). Принося жертвы на островѣ св. Григорія, Русы проводили стрѣлами кругъ; жертвенные хлѣбы приготовлялись круглые; (3) вѣдьмы плясали вокругъ требища. Кругъ — образъ небесныхъ свѣтилъ и символъ солнечнаго оборота. — Покумиться съ вѣдьмами (4) значить тоже, что поверстаться съ колдунами т. е. сдѣлаться вѣдьмою или колдуномъ, принять на себя ихъ таинственное званіе. Такое вступленіе въ колдуны и вѣдьмы совершается при религіозныхъ круговыхъ пляскахъ вѣдуновъ и вѣдьмъ: указаніе на то, что постепенно изъ этихъ вѣщихъ лицъ могло образоваться и образовалось бы сословіе жреческое.

Г. Сахаровъ напечаталъ четыре пѣсни, приписываемыя вѣдьмамъ: одну онѣ поютъ при полетѣ на Лысую гору, другую на самой Лысой горѣ, двѣ — на шабашѣ, изъ нихъ одну — на роковомъ (?) шабашѣ. Объ этихъ пѣсняхъ существуетъ такое повѣрье, что онѣ извѣстны только однимъ вѣдьмамъ и знахарямъ (5). Пѣсня, которую поютъ на роковомъ шабашѣ, можетъ обогатить того, кто ее пропоетъ; а слово «абракадабра»,

(1) Сахар. Сказ. Рус. Нар. т. I стр. 38.

(2) При опахиваніи и заклятіи гадъ проводятъ кругъ; желая добыть папоротникъ, надо оградить себя кругомъ отъ нечистой силы (Пасека: Очер. Рос. ч. 1. стр. 106—7). Коло — у Сербовъ хороводъ, у Нестора — колесо, у Малороссіянъ — предлогъ около. Слово *blido* (блюдо) — столъ, по ски. *blidr* — кругъ, тарелка, чаша, употребляется и въ значеніи олтара (Бусл. О вліян. хр. на Слав. яз. стр. 113).

(3) De admin. impreg. ч. III. стр. 39.

(4) Вспомнимъ обрядъ кумовства, совершаемый на семикъ и тронцу.

(5) Одна пѣсня была открыта дѣвушкою, которая была вѣдьмою, но послѣ оставила это состояніе.

наполняющее собою одну изъ вѣдовскихъ пѣсенъ , имѣеть силу *изцѣлять* отъ лихорадки — (*прогонять* эту болѣзнь) (1). Отправляясь на игрища и при самомъ ихъ совершеніи, вѣдьмы пѣли таинственныя пѣсни , силою которыхъ ниспосылалось на человѣка здоровье и богатство. Пѣсни, подобно заговорамъ, представляли въ язычествѣ моленія , и потому получили чудесное свойство вызывать божества къ дарованію всякихъ благъ. Къ сожалѣнію , языкъ этихъ вѣдовскихъ пѣсенъ — непонятенъ (2); между прочими, въ нихъ часто слышатся звуки : аа ! уу ! оо ! ее ! згинь ! мяу ! Подобныя восклицанія раздаются и при совершеніи обряда опахиванія. Что пѣсни эти понятны и знакомы только колдунамъ и вѣдьмамъ : это повѣрье знаменательно. Знахарямъ главнымъ образомъ извѣстны и заговоры и шептанья, составляющіе ихъ *тайну* (3). Они хранятъ старинныя мольбы и заклинанія. Вѣдьмы даже имѣютъ свой таинственный счетъ (4).

√ Травы въ язычествѣ , вмѣстѣ съ кореньями и цвѣтами, пользовались особеннымъ уваженіемъ; имъ приписывалась цѣлебная и чудодѣйственная сила , а потому онѣ были необходимы при религиозныхъ очищеніяхъ и врачеваніяхъ; вѣнками гадали. Травы и цвѣты символъ весны и лѣта , знакъ юности и полноты жизни. Такое значеніе травъ и цвѣтовъ родило религиозный обрядъ ихъ собиранія; обрядъ этотъ въ языческую эпоху принадлежалъ къ числу богослужебныхъ. По народнымъ повѣрьямъ, въ травахъ скрывается таинственная сила, вѣдомая только чародѣямъ; травы

(1) Сахар. Сказ. Рус. Нар. т. 1. стр. 46—47.

(2) Неужели звуки этихъ пѣсенъ ничего болѣе не представляютъ, какъ смѣсь страшныхъ, непонятныхъ словъ ?

(3) Малор. и Черванорус. нар. думы и пѣсни стр. 100.

(4) Иллюстр. т. 1. стр. 413. (статья Даля).

и цвѣты могутъ говорить, но почитать ихъ умѣютъ только знахари, которымъ онѣ открываютъ, къ чему бываютъ полезны, т. е. противъ какихъ болѣзней должно ихъ употреблять. (1) Колдуны и вѣдьмы собираютъ травы, и потомъ употребляютъ ихъ для врачеваній, отогнанія нечистой силы, открытія кладовъ, совершенія чаръ, отвращенія бѣдъ и даже для предвѣщаній. Вѣдьма по ночамъ варитъ въ горшкѣ таинственныя снадобья и зелья, и когда они кипятъ — сама уносится въ трубу. Для совершенія чаръ вѣдьмѣ необходимы: *шалфей, рута и терличъ*; послѣдняя трава обладаетъ силою превращеній. Трава *прикрышъ* употребляется знахарями на свадьбахъ, для охраненія молодыхъ; *плакунъ* и *папоротникъ* смиряютъ нечистую силу; послѣдняя трава служитъ также для добыванія кладовъ; *сонъ* — трава, положенная подъ подушку, посылаетъ *вѣщій сонъ*, предсказывающій будущее; всѣ эти травы собираются и хранятся колдунами и вѣдьмами, съ большою таинственностію. Трава — *одо-лень* одолеваетъ всякое зло и всякую чару; въ одномъ заговорѣ разсказывается, что эту траву поливаютъ *дѣвки простоволосыя, бабы самокручки*, т. е. вѣдьмы.] О простоволосіи мы уже сдѣлали замѣчаніе выше; « самокручки » — слово, которое объясняется изъ обряда *хлѣбнаго закрута*, о чемъ скажемъ въ своемъ мѣстѣ. Въ заговорахъ дѣлаются заклятія противъ старухи (бабы) — вѣдуньи и дѣвки простоволосыя (2).

Г Главное время собранія чародѣйныхъ и таинственныхъ травъ былъ и есть купальскій праздникъ, когда растительность достигаетъ полнаго своего развитія, когда

(1) Сахар. Сказ. Рус. Нар. т. 1. стр. 42. Москвит. 1846 г. № 11 и 12. стр. 133. (Объ Украин. предап.).

(2) Сахар. Сказ. Рус. Нар. т. 1. стр. 42—44; 18—20 (загов.).

папоротникъ разцвѣтаетъ *огненнымъ* цвѣтомъ, когда сила жизни, юности, здоровья вполне переходитъ въ травы и цвѣты. Въ ивановскую ночь, въ которую совершались самыя торжественныя языческія игрища, вѣдьмы собираютъ чудесныя травы на *Лысой горѣ*; въ то же время и на той же горѣ знахари срываютъ траву терличъ (1). Въ Петрозаводскомъ уѣздѣ существуетъ повѣрье, что въ ивановскую ночь вѣдьмы прилетаютъ изъ Кіева на одинъ островъ *Иванцовъ*, въ видѣ сорѣкъ, и, собравши на немъ чудесныя травы, уносятъ ихъ съ собою въ Кіевъ (2). Въ зимній праздникъ коляды — собранія травъ не бываетъ, потому что зима убиваетъ эту лѣтнюю растительность. Существуетъ только одно повѣрье, будто трава *печуй* — *вьтеръ*, которая прогоняетъ бурю, собирается 1-го Января въ глухую полночь (3).

Съ вѣдунами и вѣдьмами связываются преданія о *доеніи ими коровъ*.

На *Рождество* не должно выпускать изъ хлѣвовъ *домашняго скота*, чтобы сохранить его *отъ знахарей и нечистой силы*. — 3 января *голодные вѣдьмы*, возвращаясь съ *гулянья*, задаиваютъ коровъ, для охраненія которыхъ привязываютъ къ воротамъ *свѣчу*; на канунѣ *крещенія* съ тою же цѣлію пишутъ мѣломъ *кресты* на скотныхъ хлѣвахъ. — Въ день св. *Власія* (11 Февраля) кропятъ хлѣва, лошадей, рогатый скоть и овецъ *крещенскою водою*; въ это время (по мзлороссійскому повѣрью) *вовкулаки*, обратившись въ

(1) *ibid.* стр. 43. Рус. прост. праздн. Снегирева ч. 1. стр. 73.

(2) Дашкова. Опис. Олонец. Губ. стр. 190. Грамота игумена Памфила 1503 г. говоритъ о собираніи травъ и копаніи дивныхъ кореньевъ — на купалу (Д. къ А. П. т. 1. № 22). См. также Пляюстр. т. 1. стр. 262.

(3) Сахар. Сказ. Рус. Нар. т. 1. стр. 44—45.

собакъ и черныхъ кошекъ (1), сосутъ молоко у коровъ, кобылъ и овецъ, душатъ лошадей и наводятъ на рогатый скотъ падежь (2) — На зарь Юрьваа днл (23 Апр.) знахари и вѣдьмы выходятъ въ поле, растилаютъ по рось холстъ; потомъ этимъ холстомъ накрываютъ коровъ, отъ чего онѣ дѣлаются тощими и недоинными. Въ этотъ же день знахари и вѣдьмы, превращаясь въ собакъ, кошекъ и другихъ животныхъ, высасываютъ у коровъ молоко; въ коровихъ стойлахъ втыкаютъ освященную вербу и страстныя свѣчи въ томъ убѣжденіи, что этимъ изгоняются вѣдьмы и нечистые духи, которые портятъ рогатый скотъ. Самыя стойла окропляются св. водою и окуриваются ладномъ, дабы оборотни никакъ не могли укрыться въ хлѣвахъ и загонахъ. — Въ день Агрипины купальницы собираютъ крапиву, шиповникъ и другія колючія растѣнія въ кучу, (чѣмъ замѣняется костеръ); черезъ эту кучу скачутъ и переводятъ рогатый скотъ, чтобы воспретить вѣдьмамъ, лшшимъ, русалкамъ и злымъ духамъ доить у коровъ молоко, которое послѣ ихъ доенья высыхаетъ. На ночь разводятъ огни, для предохраненія стада отъ порчи; потому что въ ивановскую ночь вѣдьмы и вувкулаки — особенно опасны для коровъ. Они тогда посѣщаютъ скотные загоны, высасываютъ у коровъ молоко и портятъ телятъ. Осторожные хозяева втыкаютъ по угламъ хлѣвовъ вѣтви ласточьяго зелья, на дверяхъ вѣшаютъ убитую сороку или прибиваютъ на крестъ кусочки ерптенской восковой свѣчи, при входѣ въ хлѣвъ кладутъ вырванную съ корнемъ осину, а по стойламъ напоротникъ и жгучую

(1) О вувкулакахъ и обращеніяхъ колдуновъ и вѣдьмъ см. ниже.

(2) Терещ. Бытѣ Рус. Нар. ч. VI стр. 38, ч. VII стр. 39. Сахар. Сказ. Рус. Нар. т. 2, стр. 4.

крапиву (1). Телятъ на эту ночь не отдѣляютъ отъ коровъ; а лошадей запираютъ, чтобы вѣдьмы не по-
 ѣхали на нихъ къ Лысой горѣ. — 30 Июля вѣдьмы
 обмираютъ, опившись коровьимъ молокомъ; потому что
 доятъ столько, что задаиваютъ коровъ до смерти (2).
 Изъ приведенныхъ повѣрій видно, что колдуны и
 вѣдьмы доятъ коровъ въ продолженіи цѣлаго года;
 но главное время доенія совпадаетъ съ наиболѣе важ-
 ными народными праздниками, съ колядою, купалою,
 съ праздниками встрѣчи весны и проводовъ лѣта (въ
 Апрѣлѣ и въ концѣ Июля). Къ 11 Февралю отнесено
 доеніе по связи этого повѣрья съ другимъ, по которо-
 му Св. Власій считается покровителемъ рогатаго скота;
 тоже должно замѣтить и относительно Юрьева дня.
 И такъ время языческихъ празднествъ было вмѣстѣ и
 временемъ, въ которое колдуны и вѣдьмы доили ко-
 ровъ: это важно. Особенно же сильно и чародѣйствен-
 но бываетъ доеніе на коляду и купалу, какъ на глав-
 ные въ году праздники.

Что означаетъ это доеніе? Для объясненія этого, съ
 перваго взгляду, довольно страннаго и загадочнаго по-
 вѣрья надобно припомнить народные рассказы о *скра-
 дываніи небесныхъ свѣтилъ*. По чрезвычайно знамени-
 тельному болгарскому повѣрью — *магесницы* (колду-
 ны и вѣдьмы) могутъ снимать съ неба мѣсяцъ, кото-
 рый обращается тогда въ корову; магесницы доятъ ее и
 приготавливаютъ изъ молока масло для врачеванія неизлечи-

(1) У Финновъ въ ночь на Пасху ставятъ у хлѣбовъ серны противъ
летучихъ волшебницъ, которыя собираютъ шерсть и уносятъ ее на
 высокую гору (Вѣстн. Евр. 1828 г. № 13, стр. 9 — 10).

(2) Терещ. Бытъ Рус. Нар. ч. VI. стр. 29 — 30, ч. V. стр. 73 —
 75, 87. Молод. 1844 г. стр. 94. Сахар.: Ск. Рус. Нар. т. 2. стран.
 41, 43.

мыхъ ранъ и для другаго чародѣйнаго употребленія (1). По нашимъ преданіямъ: если случится луиное затмѣніе или тучи неожиданно закроютъ мѣсяцъ — тогда, значитъ, *вѣдьма украла съ неба это свѣтило*. Скрадываніе мѣсяца и звѣздъ, составляющее обычное запятіе вѣдьмъ, главнымъ образомъ производится ими въ праздники коляды и купалы. 26 Декабря и 1 Января вѣдьмы непременно похищаютъ съ неба мѣсяцъ и звѣзды; въ Ивановскую ночь также непременно вѣдьмы скрадываютъ звѣзды и прячутъ ихъ въ *кувшинахъ, на погребкахъ*. (2). Извѣстно, что въ Индѣйской мифологій, въ которой, какъ источникѣ первоначальномъ, заключается такъ много данныхъ для объясненія вѣрованій другихъ народовъ, — въ Индѣйской мифологій божества свѣта были олицетворены въ образахъ коровъ. Подобное же олицетвореніе встрѣчаемъ и во многихъ другихъ мифологіяхъ; въ греческой напр. Юпитеръ въ образѣ быка похитилъ Европу. Основаніемъ такому олицетворенію послужило то наивное возрѣніе младенческаго народа, по которому все небесное онъ представлялъ себѣ въ образахъ простыхъ, непосредственно его окружавшихъ. Для народа пастушескаго *скотъ* значилъ *богатство*; онъ доставлялъ человеку и пропитаніе и одежду, онъ доставлялъ землѣ удобреніе; шерсть, руно его сохраняетъ ту же теплоту, какая возбуждается лучами солнца. Отъ того у всѣхъ народовъ богъ свѣта былъ вмѣстѣ и богъ *скотій* (3). Изъ нашихъ преданій также видно, что

(1) Ж. М. Н. Пр. 1846 г. Декаб. Статя Княжскаго: о Болгарскихъ повѣрьяхъ, стр. 208.

(2) Сахар. Сказ. Рус. Нар. т. 2. стр. 3, 70 (дневн.). Рус. простоп. празд. ч. 1. стр. 175.

(3) Срезн. О поклонен. солнцу у др. Слав. (Ж. М. Н. Пр. 1846 г. Июль стр. 36).

божества свѣта были воплощены въ образы, покрытые руномъ, шерстью. Домовой, представитель очага, олицетворенъ маленькимъ косматымъ старичкомъ: онъ весь покрытъ шерстью теплою и мягкою (1). У Болгаръ мѣсяцъ обращается въ корову; у насъ его представляли лошадыю. Народная загадка: «сивый конь (жеребецъ, жеребецъ) черезъ ворота смотритъ (черезъ прясла глядитъ)» означаетъ — мѣсяцъ. Загадки народные составляютъ остатокъ стариннаго мнѣстческаго языка, и потому необходимо обращаютъ на себя вниманіе: онѣ часто объясняютъ то, о чемъ молчатъ всѣ другія преданія. Разсматривая метафорическій языкъ загадокъ, мы находимъ что *огонь* представлялся *быкомъ*, а *ночь черною коровою* (2). Здѣсь необходимо вспомнить о *Турѣ*, о которомъ дошли до насъ очень немногія преданія и нѣсколько географическихъ названій. Пѣсни народныя повторяютъ это имя, вмѣстѣ съ другими языческими именами; въ одной изъ нихъ поется, какъ красная дѣвица поборола мѣлодца:

Ой Турѣ, молодецъ удалой,
 Онъ изъ города большаго
 Вызывалъ красну дѣвицу
 Съ нимъ на травкѣ побороться.
 Ой Дидѣ-Ладо, побороться.
 Ой Турѣ — Дидѣ-Ладо! (3).

Пѣсня эта соединяетъ имя Тура съ именами: Дидѣ-Ладо, которыя постоянно повторяются въ пѣсняхъ,

(1) Авдѣев. Записки о стар. и нов. рус. бытѣ стр. 144—5. Лѣшій также представляется мохматымъ (Терещ. ч. VI. стр. 128).

(2) Терещ. Быт. Рус. Нар. ч. VII. стр. 164. Сахар. т. 1. стр. 96. — *Огонь*: «быкъ желѣзный, хвостъ кудельный» — *ночь* — черная корова всѣхъ поборола.» (Терещ. ч. VII стр. 163 — 4).

(3): И. М. Снегирева Рус. простонар. праздн. ч. 1. стр. 14. ч. III. 116, 124, 140. ч. IV. стр. 128.

при встрѣчѣ солнца. Туръ — молодецъ удалой; солнце у западныхъ Славянъ представляется прекраснымъ юношею. Слово Туръ часто упоминается въ названіяхъ горъ, рѣкъ, селеній, лѣсовъ и пр. Особенно важны слѣдующія названія озеръ, собранныя Ходаковскимъ: *Воло-туръ*, *Воловьё*, *Воловьё око*, *Турово* (*Туровское*), *Туръ* — озеро; встрѣчаются еще названія: *Туровъ розъ*, *Туро-бъво* (отъ *бить*), *красно-Турово*, *Буй-волъ* и другія; всѣ они находятся при городищахъ, замѣняя собою различныя названія жертвенныхъ животныхъ: зубра, коровы, тельца и т. п. (1). Изъ приведенныхъ нами названій видно, что слово — *туръ* считается въ народѣ синонимическимъ слову: *волъ*, и даже слова эти сопоставляются вмѣстѣ — точно также, какъ и другіе синонимы, напр.: *путь-дорога*, *грусть-тоска*, и прочія любимыя народныя выраженія. Слово *буй-волъ* прямо соотвѣтствуетъ слову *буй-туръ*, какъ тождественное ему. Такимъ образомъ озеро, эта свѣтлая масса воды, заключенная въ *круглой* формѣ, на мнѣнческомъ языкѣ язычника представлялось глазомъ *Тура* (быка). Но кто этотъ Туръ? — Вода обожалась язычниками, какъ божество *свѣтое*; ей было приписано одинаковое значеніе съ элементомъ *свѣта*. Оплодотворяющій дождь, падающій съ неба, по языческому представленію, ниспосылался *Молніею* (Перуномъ); роса — ниспадала отъ *Зори*; ключи (студенцы) получили названіе *громовыхъ*, *гремящихъ*; имъ даже приноси-

(1) Существуютъ названія: *Тура*, *Турья* (4 раза), *Турецъ* (2 раза), *Турье поле*, *Туринъ*, *Туровка* (2 раза), *Турово* (4 раза), *Туровской лѣсъ*, *Туровъ логъ*, *Старые Туры*, *Турьи горы* и мн. др. (Допес. Холак. — Ист. Сбѣр. ч. VII, стр. 54, 99, 100, 220, 293, 316, 342—346; Отеч. Зап. 1823 г. ч. XV, № 37. стр. 194: деревня Туръ — ча-совая).

лись жертвы, съ просьбами о ниспосланіи дождя (1). Ясно, что въ приведенныхъ названіяхъ озеръ лежитъ языческое воплощеніе; нѣкогда, въ глубокой древности подобныя мифическія выраженія были общедоступны и многое говорили человѣческому уму, какъ были доступны и тѣ выраженія, которыя потомъ составили загадки. Луна представлялась коровою; солнце также должно было имѣть этотъ образъ, или съ измѣненіемъ пола — олицетвориться въ быка. За такое положеніе говорить и названіе: *буй-туръ* (*буй-волъ*), или *яръ-туръ*, встрѣчаемое въ Словѣ о полку Игоревѣ и въ краледворской рукописи. (2) *Яръ, яркой, жаркой, яръ, яриться, Ярило, яровое* — прямо указываютъ на понятія о свѣтѣ, огнѣ и теплотѣ; *яръ-туръ* значитъ, по первоначальному смыслу, *огненный быкъ*; позднѣйшій смыслъ — храбрый, прекрасный, сильный, въ какомъ смыслѣ это прозваніе и придано князю Всеволоду (3). Подобнымъ образомъ явилось и названіе *красная дѣвица* т. е. красивая (пре — *красная*). По первоначальному смыслу *красный* — означаетъ: свѣтлый, огненный, жаркій, и названіе «красная дѣвица» было эпи-

(1) Загадка *мѣсяць*: «Шелъ я мимо — видѣлъ диво: виситъ котелъ — о девяносто *ведеръ*.» Слѣд. съ понятіемъ о мѣсяцѣ соединяется и понятіе влаги. Загадка *роса*: «Заря зарянница, красная дѣвица — къ церкви ходила, *ключи* обронила — мѣсяць увидѣлъ, солнце скрало.» (Сахар. т. 1. стр. 100, 102). *Ключь* на нашемъ языкѣ значитъ также *источникъ*. — Кеппена: Библиогр. листы № 7, стр. 88. О словахъ *варъ, потаμος, быстрый, вал.* и др., указывающихъ на связь воды съ огнемъ, см. Буслаева: О вліян. хр. на Слав. языкъ стр. 14, 16, 60.

(2) Слово о полку, изд. Дубенск. стр. 29—30; въ краел. рукописи: «Tu Vratislau iak tur jari scoci.» Слово *буй* (буйный) въ народномъ языкѣ употребляется въ смыслѣ *хорошій* (Макаров. Словот. — Ч. О. II. и Д. Р. годъ 2. № 6, стр. 19); а *буйвище* значитъ мѣсто около церкви, погостъ.

(3) Ж. М. Н. Пр. 1842 г. Октяб. Слѣды азіатизма въ Словѣ о полку, ст. Эрмана. стр. 21, 22, 24.

тетомъ *Зари*, сестры Солнцевой. Изъ всего этого видно, что названія: *Туръ — озеро, Турово, Воловье око* — надо понимать такъ, что въ язычествѣ озеро почиталось глазомъ небснаго быка — солнца. Любопытно, что слово *волна* означаетъ и *воду* и *руно* (овечью шерсть) (1). Припоминая теперь вышеприведенныя загадки объ *огни* и *ночи*, мы находимъ, что свѣтъ дневной, солнечный на метафорическомъ языкѣ язычества означался *свѣтлою*, *рыжею*, *ярою* коровою (или быкомъ), а ночь, тьма — коровою *черною* (2).

Что дѣйствительно русскіе Славяне имѣли религиозный образъ Тура, это доказывается слѣдующими указаніями: лѣтопись свидѣтельствуеть, что въ XII вѣкѣ извѣстно было мѣсто *Туровой божницы*; а въ Львовскомъ номоканонѣ XVII в. упоминаются *языческія игрища Туры* (3). Въ Архангельскѣ прежде на масляницу возили по городу *быка* на огромныхъ саняхъ, за которыми слѣдовалъ большой поѣздъ; сани эти запрягались въ нѣсколько десятковъ лошадей (4). — Только такимъ представленіемъ свѣтлыхъ боговъ въ образѣ быка или коровы обьяняются тѣ счастливыя и благотворныя примѣты, которыя соединяются съ шерстью, *мѣхами* и *вывороченнымъ тулупомъ*. Вывороченный

(1) Слово *волохатый* значить: обросшій волосами (Труд. Общ. Любит. Р. Слов. ч. 3, стр. 290). Народн. загадка: *колодезь (очень) — «быкъ реветъ, хвостъ къ небу дереть.»*

(2) Терещ. ч. VIII. стр. 163—164. Смерть является подъ видомъ *черной коровы* (см. описаніе обряда онахиванія).

(3) И Г. Р. Карамз. т. 2. примѣч. 289. Снегир. Рус. простонарод. праздн. ч. III. стр. 116.

(4) Снегирева Рус. простонар. празд. ч II. стр. 129. Сахар. Ск. Рус. Нар. т. 2 стр. 73. — *Рога* звѣрей служили украшеніемъ языческихъ храмовъ; идолъ Святовида держалъ въ рукѣ *рогъ*; *рога* употреблялись для гаданій. (Срезн.: Архит. яз. храмовъ Слав. — Чт. О. И. и Др. годъ 2 № 3. стр. 52).

тулупъ, овчина и соболи охраняють молодыхъ, кото-
рыхъ всегда сажали на шерсти и обмахивали хво-
стами: тогда недѣйствительны всѣ противъ нихъ на-
правленныя дѣйствія нечистой силы и злыхъ чаръ;
мать певѣсты встрѣчала молодыхъ въ вывороченной
шубѣ; недавно считали необходимымъ класть новорож-
деннаго ребенка на тулупъ; въ пѣснѣ поется :

Будь зятю добресенькій ,
Якъ козюхъ теплесенькій ;
Будь зятю богатый ,
Якъ козюхъ волохатый.

Существуетъ примѣта: если желаешь , чтобы насѣдка
вывела цыплятъ изъ всѣхъ положенныхъ подъ нее
яиць , то надобно класть подъ нее яйца изъ чего-ни-
будь мохнатаго (1). Руно слѣдов. было символомъ
счастія , богатства и плодородія. Въ первую ночь
молодыхъ даже клали спать въ овчарни или скотиной
избѣ. (2).

✓ Зная , что божества свѣта язычниками представля-
лись въ образѣ коровъ , зная богослужебное значе-
нiе колдуновъ и вѣдьмъ и припомня болгарское по-

(1) См. о свадьбахъ у Сахар. въ Ск. Рус. Нар. и у Терещ. во 2
ч. Бытъ Рус. Нар. Абевега стр. 44, 50. Пассека: Очер. Росс. т. 2,
стр. 25 — 27. Вѣсти. Евр. 1829 г. № 7, стр. 247. О счастливомъ зна-
ченiи « баниой примѣты » см. Терещ. ч. VII. стр. 238. См. въ Абевегѣ
стр. 260 , о томъ , къ чему должно прикладывать куриныя яйца —
на плодородіе.

(2) Учен. Зап. Моск. Унив. 1836 г. № XI. спр. 351 — 372; статья
Страхова. Наряживаніе въ вывороченныя тулупы употреблялось для
охраненія себя отъ нечистой силы, и совершалось главнымъ образомъ
на зимній праздникъ коляды и во время празднествъ мертвымъ.
Чтобы избавиться отъ лихорадки наряжаются въ вывороченное
платье (Терещ. Бытъ Рус. Нар. ч. VI. стр. 16). Всѣ эти данныя
ясно доказываютъ , что мѣтiе г. Кавелина о значенiи переряживанiй,
высказанное имъ въ Соврем. 1848 г. № № 9 и 10, (критика), неспра-
ведливо.

вѣрье о лунѣ-коровѣ, которую доятъ магесницы, мы приходимъ къ тому заключенію, что вѣдьмы и колдуны, по первоначальному представленію, доили *коровъ небесныхъ, мнѣическихъ*. Преданія о доеніи коровъ обыкновенныхъ создались изъ мѣа о доеніи коровъ небесныхъ, гораздо позднѣе, при затемнѣніи вѣроваваній. Самая отрывочность преданій о Турѣ говоритъ о томъ, что смыслъ мѣа былъ рано затерянъ народомъ. Мало того, что вѣрованіе отъ коровъ мнѣическихъ было перенесено къ обыкновеннымъ; къ числу животныхъ, которыхъ доятъ или сосутъ вѣдьмы и вѣдуны, отнесены и кобылы и овцы. Доеніе коровъ небесныхъ, совпавшее съ главными языческими празднествами, на мнѣическомъ языкѣ означало священную силу мольбы и жертвоприношеній, которою вызываются плодотворные лучи солнца и дождь, падающіе съ неба, какъ даръ божествъ свѣтлыхъ. Это положеніе находитъ себѣ прямое подтвержденіе въ томъ, что свѣтъ небесныхъ свѣтилъ и теплота, *разливаемая* солнечными лучами, по стариннымъ повѣрьямъ, представляются *небеснымъ молокомъ* и вообще *жидкостію*. Магесницы доятъ луну, и изъ ея *молока* готовятъ чудесное *масло*, *млечный* путь самимъ названіемъ своимъ, говоритъ о древнемъ вѣрованіи, которое подтверждается доселѣ сохранившимся преданіемъ: млечный путь, по народному объясненію, есть *молоко*, невсосанное однимъ дитятею (?) и *розлитое по небу*. Загадка: «една чаша *масла* всему свѣту доста» означаетъ *солнце* (1). *Свѣтъ* и *дождь*, понятія, отождествленные въ языческихъ вѣрованіяхъ Славянина, понимались какъ *плодотворное* и *священное* молоко, проливавшееся изъ сосновъ не-

(1) Н. М. Снегпрева Рус. въ св. послов. ч. IV. стр. 44. Сахар. Сказ. Рус. Нар. т. 2. стр. 110 (загадки).

бесныхъ коровъ. Связь молніи и дождя съ солнечнымъ свѣтомъ, ихъ одинаковое плодотворное значеніе — память народная запомнила во многихъ примѣтахъ; роса, по выраженію старинной народной загадки, проливается Зарюю. И солнечные лучи, и дождь, и молнія, и роса — всѣ эти явленія даютъ плодородіе. Звѣзды и мѣсяцъ также вліяютъ своимъ яркимъ свѣтомъ на плодородіе всего, что родится и что растетъ на землѣ (1). — Язычники были убѣждены, что ихъ богослуженіе дѣйствительно вызывало оплодотворяющую силу небснаго свѣта и небсной влаги. Солнце ежегодно ворочалось на лѣто; съ новою весною опять гремѣлъ громъ, блестѣла молнія, проливался дождь и ниспадала роса. Въ суевѣрномъ наивномъ представленіи язычника, мольба получила силу чародѣйную, силу заговора. По народному повѣрью, если разговоръ произнести правильно, съ соблюденіемъ всѣхъ обрядовъ — то онъ *непремѣнно* сбудется (2). Пластически сила языческихъ моленій и ихъ сопровождавшихъ жертвъ выразилась въ томъ, что вѣдуны и вѣдьмы — сосутъ и доятъ небсныхъ коровъ, которыя одождяютъ и согрѣваютъ землю, и всему даютъ плодородіе. Доеніе совершалось слѣдов. тѣми лицами, которымъ принадлежало въ язычествѣ главное отправление религиозныхъ обрядовъ. Но какъ, при затемнѣніи міа, мѣсто небсныхъ коровъ заняли коровы обыкновенныя, и какъ доеніемъ этихъ послѣднихъ главнымъ образомъ завѣдываютъ женщины, то повѣрье, разбираемое нами,

(1) Звѣздное небо 24 Дек. общается на лѣто обиліе грибовъ; на Рождество и Богоявленіе звѣзды и мѣсяцъ яркимъ сіяніемъ общаются урожайный годъ; звѣзды свѣтомъ своимъ пророчатъ — плодородіе ягнать и гречихи (Терещ.: Быть Руск. Народ. ч. VII, стр. 38, 39, 49.)

(2) Плюстр. годъ 1. стр. 230.

и было прикрѣвлено преимущественно къ вѣдѣмамъ. Впрочемъ, мы видѣли, что иѣкоторыя преданія приписываютъ это занятіе и колдунамъ. Что вовкулаки сосутъ молоко — объясненіе этого вѣрованія кроется въ превращеніяхъ колдуна и вѣдьмы. Божественное, по языческому представленію, молоко луны имѣетъ чародѣйную силу врачеванія: оно даетъ и *плодородіе* и *здоровье*. Вспомнимъ, что тѣже чародѣйныя и вмѣстѣ благотворныя свойства соединены народомъ съ росой, ключевою водою, громовою стрѣлкою, первымъ весеннимъ дождемъ, и съ дождемъ на Ильинъ день. По народнымъ сказкамъ, колдуны имѣютъ у себя *живую, мертвую и змѣиную* воду. Мертвая вода срощаетъ разрозненные части тѣла, живая оживотворяетъ трупъ, змѣиная даетъ богатырскую силу (1). Эти чудесныя воды выражаютъ дивныя свойства дождя и росы. Дождь, проливающийся при громѣ и молніи, названъ преданіями *змѣинымъ*, потому что самая молнія олицетворялась въ мнѣеическомъ образѣ *огненнаго змѣя*. Изъ древнѣйшаго вѣрованія въ близость вѣдьмы къ божествамъ свѣта и плодородія — возникло впоследствии повѣрье, что женщина, съ которою имѣетъ сношеніе огненный змѣй, есть вѣдьма (2).

(1) Записк. Авдѣев. о стар. и нов. рус. бытѣ стр. 138. Нар. сказки, изд. Сахар. предисл. стр. СІ. Народн. сказки, изд. Бронницына, ч. 1. стр. 25 и 41. Въ одномъ заговорѣ читаемъ (Сахар. т. 1. стр. 26), что Кіевская вѣдьма посадила на Буянь — островъ вѣрона, вѣтъ вѣронамъ старшаго, и приказала ему своимъ *заповѣднымъ* словомъ добыть изъ подъ огненнаго змѣя ключъ отъ терема съ богатырскою сбруею.

(2) Иллюстр. годъ 1. стр. 203, статья Даля. Отсюда объясняются позднѣйшія повѣрья, что вѣдьмы сами летаютъ къ своимъ любовникамъ — въ видѣ огненныхъ змѣевъ, обогащаютъ своихъ мѣлодцовъ, но эта любовь сушитъ послѣднихъ. (Рус. Нар. пр. ч. 2. стр. 103 и дал.) Сравни съ сказаніями объ огненномъ змѣѣ.

Въ эпоху христіанскую колдунъ и вѣдьма получили характеръ злобный, враждебный, что не могло не отразиться на мѣѣ доенія коровъ, тѣмъ болѣе, что мѣѣ этотъ въ язычествѣ имѣлъ глубокой смыслъ. Доеніе получило значеніе гибельное; отъ него высыхаютъ у коровъ сосцы и пропадаетъ молоко, самыя коровы дѣлаются тощими и вскорѣ издыхаютъ. Вѣдьмы, жадныя къ доенію или высасыванію молока, которымъ униваются до безпамятства, стали представляться *вѣчно* — *голодными*. Въ эту эпоху — доеніе луны магесницами смѣшалось съ луннымъ затмѣніемъ, которое въ древнѣйшее время язычества объяснялось нападеніемъ на свѣтило печистой силы (1). Самое названіе *скрадыванія* свѣтила — говоритъ о враждебномъ дѣйствіи. Колдуны и вѣдьмы призывали боговъ сойти въ поднебесья на помощь и покровительство людямъ; чародѣйная сила мольбы первыхъ была такъ велика, что боги не могли не исполнить прошенія: они должны были явиться на зовъ. Слѣды этого вѣрованія сохранились въ заговорахъ, въ которыхъ читаемъ: « мѣсяць ты красный, *сойди въ мою клятвѣ*; солнышко ты припривольное, *взойди на мой дворъ*; звѣзды вы ясныя, *сойдите въ чашу брачную*, увмите отъ вина раба такого-то »; « *сойди ты, мѣсяць, сними мою зубную скорбь, унеси боль подѣ облака*; твоя сила могуча »; « *опоясываясь я частыми звѣздами, облакаюсь я облакомъ* » и др. (2). Вызовъ боговъ заповѣднымъ

(1) Болгары во время затмѣнія луны стрѣляютъ изъ ружей и пистолетовъ, чтобы воспреятствовать магесницамъ довѣть это свѣтило (Ж. М. Н. Пр. 1846 г. Дек. стр. 208). Критика на Арх. г. Казач. (Соврем. 1850 г. Л^д 4

(2) Сахар. Сказ. Рус. Нар. т. I. стр. 19—23. (Заговор.)

словомъ въ послѣдствіи получилъ значеніе скрадыванія. Подобнымъ образомъ и полеты вѣдьмъ и колдуновъ на Лысыя горы, получили враждебный характеръ. Въ мѣсто помела и другихъ орудій очага, вѣдьмы стали употреблять для своихъ поѣздокъ на Лысую кievскую гору лошадей, которые отъ того *худьютъ*. Мало того, вѣдьмы могутъ отправиться на Лысую гору даже на думѣ спящаго человѣка, который потому на другой день чувствуетъ себя *измученнымъ* и *полумертвымъ* (1). Въ христіанскую эпоху противъ вѣдьмъ и колдуновъ были придуманы разные средства, чтобы не допускать ихъ къ коровамъ. Средства противъ вѣдьмъ и колдуновъ стали употреблять тѣже, что и противъ нечистой силы; въ нихъ нельзя не замѣтить позднѣйшаго вліянія. Ладонь, св. вода или крещенская, кресты, священная верба, страстная свѣча — все это прогоняетъ колдуновъ и вѣдьмъ, и не даетъ имъ доить и сосать у коровъ молоко. Съ этими священными предметами употребляются еще, какъ предохранительныя средства отъ вѣдуновъ и вѣдьмъ: *жгучія* и *колючія* травы (крапива, шиповникъ и др.), которыя иногда замѣняютъ купальскій костеръ, а этотъ послѣдній служилъ для очищеній; *убитая сорока*, страшная для вѣдьмъ, потому что образъ сороки — любимое ихъ обращеніе; *папоротникъ* и *осина*, какъ самыя надежныя средства противъ нечистой силы. Папоротникъ, какъ извѣстно, добывается

(1) Москвит. 1846 г. № 11 и 12. стр. 150, критика. Силою чаръ вѣдьмы могутъ призывать къ себѣ всякаго, какъ бы онъ далеко ни находился. Для того онѣ *варятъ* какой-то корень и *чѣмъ сильнѣе онѣ кипятъ, тѣмъ быстрѣ летитъ* призываемый (*ibid*). Иногда вѣдьмѣ удавалось ѣздить на человѣкѣ, который везетъ еѣ черезъ трубу на бѣлый свѣтъ; но бывали примѣры, что знающій человѣкъ самъ выѣзжалъ на вѣдьмѣ (Иллюстр. стр. 415). Всѣ эти повѣрья принадлежатъ позднѣйшей эпохѣ.

колдунами и вѣдьмами; осина необходима для многихъ обрядовъ (напр. для прогнанія смерти). Ясно, что тѣ орудія, какія употребляются до сихъ поръ колдунами и колдуньями противъ навожденій нечистой силы, были при смѣшеніи вѣрованій употреблены противъ нихъ самихъ. Обрядъ собиранія росы знахарями на порчу домашняго скота получилъ такой враждебный смыслъ также въ эпоху христіанскую, потому что роса, даръ Зари, въ язычествѣ считалась цѣлебною и собиравалась на здоровье и плодородіе животныхъ: такое значеніе роса сохранила въ главныхъ чертахъ и до сихъ поръ.

Любопытны и важны для насъ народныя сказанія о томъ, что вѣдьма можетъ донть даже *отдаленныхъ* коровъ: стѣитъ ей только *воткнуть ножъ* въ соху или столбъ — *и молоко потечетъ по острейю ножа* (1). Слѣдов. ножъ, получившій танственное значеніе, какъ орудіе жертвенное, или лучше самая жертва — низводила на землю молоко свѣта и дождя.

Такимъ образомъ силою моленій и жертвоприношеній колдуны и вѣдьмы управляли дождями и бурями, вѣдромъ и непогодою, плодородіемъ и неурожаями. Въ язычествѣ дѣйствія ихъ были направлены на добро, на урожай; въ христіанствѣ дѣйствія эти получили злой характеръ. Знахарь, говоритъ народъ, можетъ располагать дождемъ и градомъ, по желанію; бывало, во время жатвы надвинется вдругъ туча; всѣ бросятся складывать снопы и собираться домой, а знахарю и нужды нѣтъ. Не будетъ дождя,

(1) Иллюстр. (статья Дали) годъ 1, стр. 415. Москвитин. 1846 г. № 11 и 12. стр. 130, критика. Когда вѣдьма донть коровъ и хозяинъ подкараулитъ ее, тогда вѣдьма заставляетъ его силою заклятій сидѣть на одномъ мѣстѣ до тѣхъ поръ, пока ни позволить ему встать (ibidem).

скажетъ онъ, — и туча пройдетъ мимо. Разъ сдѣла-
лась страшная буря, все небо почернѣло; но знахарь
объявилъ, что дождя не будетъ. Вдругъ, откуда ни взя-
лся, летитъ къ знахарю *черный* человекъ на *черномъ*
конѣ. Пусти, говорить онъ. — Не пущу, отвѣчаетъ
знахарь. — Пусти, сдѣлай милость! — Не пущу; зачѣмъ
было такъ много набирать? — Ъздокъ уѣхалъ; тучи поси-
зѣли и побѣлѣли: всѣ ожидали граду. Несется къ знахарю
другой ѣздокъ весь *бѣлый* и на *бѣломъ* конѣ. Пусти, про-
ситъ онъ. — Не пущу. — Пусти, ради Бога! — Не пущу; за-
чѣмъ было набирать такъ много? — Эй, пусти: не выдер-
жу. — Тогда знахарь разогнулся и сказалъ: ну, ступай!
только въ той долині, что за нивою. Ъздокъ исчезъ,
и градъ зашумѣлъ въ долині за нивою (1). О вѣдьмахъ
рассказываютъ, что онѣ *крадутъ съ неба дождь и росу*, уно-
ся ихъ въ завязанномъ горшкѣ или мѣшкѣ, и *посылаютъ*
градъ и бурю; по суевѣрному мнѣнію народа, вообще все
обиліе и плодородіе находится во власти вѣдьмъ. Въ на-
родѣ ходитъ такой разсказъ: жили три брата и занима-
лись звѣриною охотою и рыбною ловлею; странно, но и
ловля и охота братьевъ всегда была счастливая: заки-
нуть ли сѣти, а онѣ ужъ полны рыбою; зайцы сами
бѣгутъ на выстрѣлы. Дѣло въ томъ, что мать у нихъ
была вѣдьма. Разъ братья рѣшились ее испытать; *взяли тайкомъ*
тенета и ружья, пошли на охоту за зай-
цами а матери сказали, что идутъ ловить рыбу. Что-
же? Раскинули тенета — и вмѣсто зайцевъ полезли въ
нихъ окуни, караси и лещи! (2).

Мы показали уже, что въ эпоху христіанскую *дое-*
ніе коровъ вѣдьмами получило значеніе враждебное,

(1) Статья о повѣрьяхъ Украинскихъ, собр. Кулешемъ. Москвит.
1846 г. Л^с 11 и 22, стр. 153 — 154.

(2) Москвит. 1846 г. Л^с 11 и 12. стр. 150 — 151. Критика.

противъ котораго надо было принимать предохранительныя мѣры. Мало того: оно стало разсматриваться, какъ *страшный грѣхъ*. Въ стихахъ народныхъ поется, что душа грѣшная, обращаясь къ своему тѣлу, говорить: пойду я

Въ муку вѣчную безконечную,
Въ муку вѣчную, въ горячи огни.

— Почему-жъ ты, душа, себя угадываешь?

спрашиваетъ тѣло.

— Потому я, тѣло бѣлое, себя угадываю:
Что какъ жили мы были на вольномъ свѣту—
Изъ чужихъ мы коровъ молоко выдаивали,
Мы изъ хлѣба спорынью вынимали,
Не ходили ни къ обѣдни, ни заутрени.

Въ стихѣ « о грѣшныхъ душахъ » находимъ тоже свидѣтельство :

Чѣмъ же души у Бога *согрѣшили*?
А первая душа *согрѣшила* —
Во ржи залому заломала,
Во хлѣбушкѣ споры вынимала.

.
Четвертая душа *согрѣшила* — —
Въ чистомъ полѣ корову закликала,
У коровки молочко отымала,
Во сырую землю выливали,
Горькую осину забивала,
Горькую осину засушивала (1).

Эти свидѣтельства стиховъ — чрезвычайно знаменательны. Сопоставленіе рядомъ: отнятія у коровъ молока, а у хлѣба спорыньи — еще болѣе поясняетъ мнѣ доенія. Въ язычествѣ доеніе вызывало съ неба плодотворныя лучи и дождь; подъ вліаніемъ христіанства оно получило другой смыслъ: доенію приписали стремленіе

(1) Чт. Об. И. и Д. Р. годъ 3. № 9. стр. 210, 221. (Стихи, собр. Кирѣевск.)

сокрыть плодотворное молоко и сгубить *обиліе*, *урожай*: вѣдмы стали *скрадывать* и свѣтила и дожди. Отнять у хлѣба *спорынью* значитъ: отнять, уничтожить урожай и произвести голодъ. Такое дѣйствіе естественно стало представляться самымъ ужаснымъ грѣхомъ. На Украинѣ до сихъ поръ вѣрятъ, что вѣдма можетъ задерживать дожди и производить неурожай. Какое пространство земли въ силахъ она обнять своимъ взоромъ, на такое можетъ наслать голодъ и моръ, на такомъ пространствѣ можетъ отнять у коровъ молоко: сближеніе многозначительное (1)!

Съ отнятіемъ у хлѣба спорыньи стихъ тѣсно связываетъ преданіе о заломѣ ржи. Въ южной Россіи передъ жатвою женщины съ пѣснями отправляются въ поле; одна изъ нихъ, взявши горсть колосьевъ на корнѣ, завиваетъ ихъ узломъ и перегибаетъ или заламываетъ ихъ, при чемъ другія поютъ пѣсню на завиваніе вѣнковъ. Послѣ этого уже *рука миходпья и колдуна не можетъ испортить хлѣба* (2). Такой обрядъ называется: *завиваніемъ бороды Волосу* (Велесу, скотьему богу). Съ божествами свѣта, къ которымъ принадлежалъ и Волосъ, соединялось представленіе всеобщаго плодородія, разливаемаго и на царство растительное и на царство животное. Предъ началомъ жатвы первые созрѣвшіе колосья необходимо было посвятить божествамъ, воспитавшимъ нивы; и дѣйствительно, при пѣніи обрядовыхъ пѣсень, (говоря языкомъ пластическимъ) оставляли Волосу на бороду — завитый кустъ ржи. Къ этому кусту никто не смѣетъ *прикоснуться*: къ нему чувствуется благоговѣйный страхъ (3).

(1) Москвит. 1846 г. № 11 и 12. стр. 150. Критика.

(2) Терещ.: Быть Рус. Нар. ч. VI. стр. 39. Сахар.: Сказ. Рус. Нар. т. 2. стр. 12. Слово о полку (Рус. Дост. ч. 3) стр. 28.

(3) Кто прикоснется къ залому, того также скорчить. См. Сахар.

И это благотворное въ язычествѣ значеніе *залома*, охраняющаго жатву отъ всякой злой порухи, — въ христіанскую эпоху получило другой смыслъ — враждебный: языческія приношенія не могли не представляться христіанину дѣломъ самымъ грѣховнымъ. Съ этой точки смотрятъ на хлѣбный заломъ (закрутъ, завязку) и приведенные стихи; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, даже образовалось повѣрье, что заломъ дѣлается *знахаремъ* изъ желанія причинить хозяину нивы зло, гибель. Злой знахарь беретъ горсть хлѣбныхъ стеблей и, *произнося заклятіе*, ломаетъ ихъ *въ правую*, а закручиваетъ *въ лѣвую* сторону. Въ узлѣ залома всегда находятъ немного *зола, соль, могильную землю*, распаренныя зерна, уголь и *личную скорлупу* (1). Зола, соль, земля и уголь — предметы, необходимые при гаданіяхъ и различныхъ обрядахъ, представляющихъ остатки древнихъ очищеній и жертвоприношеній. — Обрядъ заламыванія и закручиванія хлѣбныхъ колосьевъ, охранявшій въ глубокой древности плодородіе полей, получилъ въ послѣдствіи значеніе совершенно превратное.

Указанное нами измѣненіе въ характерѣ вѣрованій, связанныхъ съ вѣдуномъ и вѣдьмою, совершилось съ первымъ утвержденіемъ христіанства на Руси, какъ вѣроисповѣданія господствующаго. Разумѣется, измѣненіе это совершилось не всецѣло, не во всѣхъ мѣст-

Сказ. Рус. Нар. т. 2, стр. 12, 44. т. 1. стр. 53. Вѣсти. Евр. 1828 г. № 5 и 6. стр. 90. При заклятіи червей заламывають траву — будякъ. (Иллюстр. годъ 1. стр. 251.)

(1) Закрутъ дѣлается, какъ увѣряютъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, на погибель всего семейства и родни. Если его не развести, что можетъ сдѣлать только хорошій знахарь, то скоть падеть, домъ сгоритъ и проч. *Особенно опасно скосить или сорвать закрутъ*. Если некому развести закрута, то его обжигаютъ. (Сахар. т. 1. стр. 53. Иллюстр. годъ 1. стр. 538). Въ Орлов. губ. подобный заломъ называется *куклою*. Сообщено И. М. Снегиревымъ.

ностях и не относительно всѣхъ древнихъ вѣрованій и обрядовъ. По нѣкоторымъ остаткамъ и теперь еще ощутительнъ характеръ языческой старины. Тѣмъ не менѣ позднѣйшее вліяніе не могло не произвести перемѣнъ. Еще отъ XI вѣка донеслись до насъ ясныя лѣтописныя свидѣтельства о томъ, что вѣрованія народныя значительно измѣнились въ эту отдаленную эпоху. Такое явленіе тѣмъ болѣе представляется естественнымъ, что съ теченіемъ времени народъ потерялъ прежнюю распознаваемость мифовъ; языкъ религіозный сдѣлался для него таинственнымъ. Новыя вѣрованія не отрицали вовсе возможности и бытія того, во что вѣрилъ простодушный Славянинъ издавна; они только приписали эти вѣрованія началу злomu, демонскому. Въ народѣ продолжали еще жить прежнія убѣжденія, но смыслъ ихъ былъ истолкованъ въ другую сторону. Взглянемъ на лѣтописныя сказанія о *волхвахъ*.

Въ 1024 году, говоритъ лѣтописецъ, возстали въ Суздали волхвы, « *избиваху старую чадь, по дьяволу наученію и бѣсованію, глаголюще, яко си держать гобино*. Бѣ мятежъ великъ и голодъ по всей той странѣ. Слышавъ же Ярославъ... изымавъ волхвы, расчлени, а другыя показни, и рекъ сице: *Богъ наводитъ по грѣхомъ на куюждо землю гладомъ или моромъ или ведромъ, ли иною казнию, а человекъ не вѣсть ничтоже*. » Подъ 1071 годомъ читаемъ подобное же извѣстіе: « бывши бо единою скудости въ Ростовстѣй области, всташа два волхва отъ Ярославля глаголюща, яко вѣ свѣвѣ (мы вѣдаемъ), кто обилье держать. И поидоста по Волзѣ, кдѣ придуть въ погостъ, ту же нарицаху *лучшіи (добрыи) жены, глаголюща, яко си жито держать, а си медъ, а си рыбы, а си скору*. И привожаху къ нима сестры своя, матере и жены своя: она же въ мечтѣ прорывавше за плечемъ

« выимаста любо жито, любо рыбу и убивашета
 « многы жены, имѣнье ихъ отъвимашета собѣ. » Нако-
 нецъ волхвы пришли на Бѣлоозеро; за ними слѣдова-
 ло 300 человекъ. Въ это время Янъ собиралъ на Бѣло-
 озерѣ княжескую дань. « Повѣдоша ему Бѣлозерци,
 « яко два кудесника избила уже многы жены по Волъ-
 « свѣ и по Шекснѣ » Янъ потребовалъ отъ нихъ вы-
 дачи волхвовъ; но Бѣлоозерцы « сего не послушаша. » Янъ
 сталъ дѣйствовать противъ волхвовъ отъ себя, и, когда
 они были схвачены, то спросилъ: « что ради погуби-
 « ста толико человекъ? Онѣма же рекшема: яко ти
 « держатъ обиле; да аще избиевъ сихъ — будетъ гобино;
 « аще ли хочещи, то передъ тобою выимевъ жито,
 « ли рыбу, ли ино что. Янъ же рече: по истинѣ лжа
 « то » (1). — За что и кого именно избивали волхвы?
 — Лѣтопись отвѣчаетъ ясно: избивали *старыхъ* и *луч-
 шихъ* (т. е. старшихъ) *женщинъ* — за то, что онѣ
 скрадывали *гобино* и *обиле* и производили *голодъ*. *Го-
 бино* (*обиле*) означаетъ — плодородіе, урожай (2). Мы
 видѣли, что старшимъ женщинамъ въ родахъ и семьяхъ
 принадлежало въ язычествѣ совершеніе богослужеб-
 ныхъ обрядовъ, и что имъ главнымъ образомъ, по-
 вѣрья приписываютъ *доеніе* т. е. низведеніе дождей и
 свѣта на землю. Съ измѣненіемъ характера вѣрованій,
 подъ вліяніемъ новой жизни, — вѣдьмы, старшія и
 знающія женщины, стали представляться похищающи-
 ми съ неба и свѣтила и дожди и росу, а вмѣстѣ съ
 тѣмъ и плодородіе (урожай). Вѣрованіе въ возможность
 и дѣйствительность подобныхъ явленій была такъ вели-
 ка въ XI вѣкѣ, что родичи, безъ сожалѣнія, отдавали
 на побіеніе своихъ матерей, женъ и дочерей. Жите-

(1) П. С. Р. Лѣт. т. 1, стр. 64, 75.

(2) Карамз. И. Г. Р. т. 2. примѣч. 26.

ли не только не хотѣли выдавать волхвовъ; но слѣдовали за ними въ огромной толпѣ. Обвиненіе «старой чади» въ произведеніи голода вполне соответствовало грубому и неразвитому взгляду тогдашняго человѣка на явленія природы. Всѣ виѣшнія явленія онъ объяснялъ, какъ дѣйствія свѣтлой или нечистой силы, вызванныя мольбами или чарами. Были примѣры, что народъ обвинялъ въ чисто — физическихъ явленіяхъ духовныя лица. Моленіе служителей божества, по стариннымъ вѣрованіямъ, силою своею могло управлять природою и ея вліяніемъ; если это вліяніе становилось вреднымъ — значитъ моленіе было злоупотребляемо служителями божества, или, ради грѣховъ ихъ, теряло свою обычную силу. (1) — Еще недавно на Украинѣ народъ вѣрилъ, что вѣдьмы и колдуны могутъ скрывать огромные запасы хлѣба, денегъ, и пр. Изъ вышеприведеннаго народнаго разсказа о трехъ братьяхъ — ясно, что вѣдьмамъ приписывается вліяніе и на обиліе (плодородіе) рыбъ и животныхъ. Еще недавно вѣдьмамъ народъ приписывалъ общественныя бѣды: голодъ, засуху и неурожай. Въ старину, по преданіямъ, при всякой повальной болѣзни (напр. при моровой язвѣ) закапывали въ землю *бабу, заподозрѣнную міромъ въ злыхъ умыслахъ*. Г. Даль увѣряетъ, что на Украинѣ существуетъ сказаніе, взятое изъ судебныхъ актовъ, какъ одна злая и пьяная баба, поспоривъ съ своею сосѣдкой, обвинила ее въ *скрадываніи росы*. Обвиненную признали вѣдьмою и сожгли (2). Даже са-

(1) Новгород. 1-ая лѣтоп. стр. 44; Новгородцы прогнали своего владыку за то, что «тепло стоитъ долго.»

(2) Палюстр. годъ 1. стр. 415. Статья Даля. Сахар. Сказ. Рус. Нар. т. 2. стр. 13. См. грамоту Михаила Феодоровича о бабѣ — *вѣдуньѣ*, которая наговариваетъ на хмѣль, съ цѣлію навести *моровое повѣтріе* (Ак. Ар. Экс. т. III. № 197).

мые знахари и вѣдьмы потеряли всякое пониманіе старинныхъ обрядовъ и вѣрованій. Они дѣйствительно стали совершать злоумы и доевіе коровъ съ цѣлію повредить своему заклятому недругу. Это видно изъ завиванія ржи знахаремъ на *пагубу людей* и изъ словъ стиха объ обрядѣ доенія: вѣдьма закликаетъ корову, доить ее, а потомъ *молоко выливаетъ въ землю и забиваетъ въ то мѣсто осиновою коль*: какъ засохнетъ осина, такъ высохлибъ у коровы сосцы (1). Враждебная сила вѣдьмы распространилась на все, обѣщающее *плодъ, рожденіе*. Вѣдьмъ стали обвинять въ томъ, что онѣ портятъ беременныхъ женщинъ, крадутъ у нихъ изъ утробы дѣтей; колдуны тоже отнимаютъ у женщинъ плодородіе, сушатъ ихъ и напущаютъ на людей болѣзни (2).

Въ приведенныхъ нами лѣтописныхъ свидѣтельствахъ объ избіеніи «старой чаши» видно, что уже тогда былъ затерянъ смыслъ главнѣйшихъ мифовъ. Кудесники, повѣдающіе волю боговъ, обвиняютъ въ неурожаѣ женщинъ, которыя будто бы скрывали *хлѣбъ, рыбу и зверей* (3). Обвиненіе это не было слѣдствіемъ только хитрыхъ расчетовъ со стороны волхвовъ; они сами были убѣждены въ томъ, что говорили, и дѣйствовали подъ наитіемъ фанатизма; даже передъ смертію они не отрекались отъ своихъ словъ и не признавали себя неправыми. Въ родахъ и семьяхъ еще продолжали жить

(1) Обрядъ этотъ сходенъ съ нѣкоторыми чарами.

(2) Иллюстр. годъ 1. стр. 413, 184. Абеу. стр. 27, 74; колдуны дѣлаютъ жениховъ недѣйствующими, а у невѣстъ скрываютъ половой органъ.

(3) Выраженіе «въ мечтѣ» означаетъ *сверхъестественно*. Сравни: «въ мечтѣ ны бываше въ ноци тутынь, стаяше по улици, яко челоуѣци, рищюще бѣси.» (П. С. Р. Л. т. 1, стр. 92). Патерикъ Печ. «иже зряше явѣ бѣсовскія мечты.» (Житіе Матвея Прозорливаго).»

остатки старыхъ вѣрованій; женщины продолжали совершать дома тѣже обряды, что и прежде; вспомнимъ — опахиваніе. Несторъ выражаетъ общее современное воззрѣніе на женщину въ слѣдующихъ словахъ, въ которыхъ мысль о грѣхопадѣніи присоединилась къ прежнему значенію женщины: « паче же женами бѣсовская волѣшванья бывають; искони бо бѣсъ жену прелсти, си же мужа; тако въ си роли много волхвуютъ жены чародѣйствомъ и отравою и иными бѣсовскими кознями. » (1) Слова эти сказаны Несторомъ тотчасъ послѣ разсказа о волхвахъ, избивавшихъ женъ.

Кромѣ разобранныхъ чародѣйныхъ дѣйствій, народныя повѣрья приписываютъ колдунамъ и вѣдмамъ еще *превращенія*. Колдуны и вѣдмы могутъ и сами обращаться въ различныхъ животныхъ, птицъ и даже неодушевленные предметы; могутъ обращаться въ нихъ и другихъ людей. Вѣра въ *обращенія* и *оборотней* — весьма древняя. Что означаетъ этотъ мифъ? Рѣшеніе этого вопроса, надо признаться, затруднительно, потому что онъ тѣсно связанъ со множествомъ другихъ вѣрованій и преданій; мы представляемъ только попытку объяснить этотъ мифъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ мифическія вѣрованія стали терять свою распознаваемость, всѣ обычные выраженія въ языкѣ, запечатлѣнные языческимъ характеромъ,

(1) Признавать сказанія о волхвахъ — финскими также неосновательно, какъ и скандинавскими (См. статью Соловьева въ Ч. О. И. и Д. годъ 2. № 6. стр. 4—5, и разсужденіе Руднева о ересяхъ и расколахъ, стр. 17—19). Появленіе волхвовъ на сѣверѣ Руси условливалось отдаленностію этихъ областей отъ Кіева; главнымъ образомъ было утверждено христіанство на югѣ, между тѣмъ какъ сѣверъ долго оставался непросвѣщеннымъ. Кромѣ того, извѣстно, что волхвы являлись и въ Кіевѣ (См. лѣт. надъ 1071 г.) Еще многое поясняютъ намъ въ лѣтописяхъ народныя преданія: источникъ этотъ — почти истонутъ.

сдѣлались метафорическими оборотами для выраженія совершенно иныхъ представлений. Въ нашихъ народныхъ пѣсняхъ и старинныхъ памятникахъ письменности находимъ множество выраженій метафорическихъ, употребляемыхъ съ цѣлю надѣлать богатыря какими—либо свойствами того или другаго животнаго; но изслѣдователю необходимо помнить, что выраженія эти свидѣлствуютъ о нѣкогда существовавшемъ вѣрованіи въ обращенія. Приведемъ примѣры.

Въ Словѣ о полку разсказывается о князѣ Всеславѣ, рожденномъ отъ *волхованія*, что онъ рыскалъ волкомъ, и такъ быстро, что опережалъ бѣгъ самаго Солнца (Хорся); Князь Игорь скакалъ горностаемъ въ тросникъ и бѣлымъ гоголемъ у воды, бѣгалъ волкомъ, и леталъ соколомъ подъ мглами (подъ облаками), избивая на завтракъ, обѣдъ и ужинъ гусей и лебедей; Ярославна говорила въ своей жалобной пѣснѣ: полечу я зегзицею (кукушкою) (1). Только языческою вѣрою въ обращенія можно объяснить и темныя мѣста о Боянѣ: «Боянъ бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити, то *растѣкашеся* мыслию по « древу, *спрымъ* вѣлкомъ по земли, *сизымъ* орломъ подъ « облакы»; въ другомъ мѣстѣ: « о Бояне! абы ты сіа « *плѣкы* ущекоталъ, *скача* славію (соловьёмъ) по « мыслену древу, *летая* умомъ подъ облакы, *рища* въ « трону Трояню чрезъ поля на горы » (2). Глаголы: *скача*, *летая*, *рища* — постоянно употребляются въ выраженіяхъ, указывающихъ на оборотней; « *растѣкашеся* мыслию по древу » — выраженіе, очевидно тождественное съ выраженіемъ: « *скача* славію по мыслену древу » т. е. порхая соловьёмъ, по *мыслен-*

(1) Слово о полку, изд. Дубенск. (Рус. Дост. ч. III. стр. 86, 196—200, 210, 230—234). П. С. Лѣт. т. 1. стр. 67.

(2) Слово о полку стр. 6, 24, 26.

ному дереву. *Мысленный* — употреблено здѣсь въ значеніи: таинственный, священный. Самъ Боянъ называется *смысленнымъ* — вмѣсто *вѣщаго*. Подобно тому выраженіе: « летать *умомъ* подь облаками » — означаетъ: летать вслѣдствіе особеннаго *вѣдѣнія*, *хитрости*. Въ старинной пѣснѣ о *Волхъ* Всеславьевичѣ умѣнье обращаться прямо названо *премудростію*. Боянъ — пѣвецъ, кудесникъ; а потому съ именемъ его преданіе связало вѣрованіе въ превращенія. Въ краледворской рукописи о музыкантѣ и пѣвцѣ Забоѣ говорится: « вдругъ вскочилъ онъ и побѣжалъ *олемъ*. » (1) Впрочемъ, въ Словѣ о полку употреблено старинное выраженіе, но смыслъ ему приданъ позднѣйшій; выраженіе это, конечно, образовалось вслѣдствіе древнѣйшаго вѣрованія въ превращенія; но писатель Слова хотѣлъ указать на другое: пѣснь Бояна чародѣйственная; она мгновенно возносится къ небу, сѣрымъ волкомъ несясь по земли и сизымъ орломъ по поднебесью; она исполнена сладостной гармоніи и можетъ сравниться только съ пѣснью соловья. Потому и Боянъ названъ *соловьемъ стараго времени*. Точно такъ сказаніе объ Игорѣ, бѣжавшемъ отъ Половцевъ, имѣетъ въ виду указать на удивительную скорость, быстроту его бѣгства.

√Въ старинныхъ народныхъ пѣсняхъ и сказкахъ преданія о превращеніяхъ встрѣчаются очень часто. Богатырь Волхъ съ дѣтства учился тремъ премудростямъ: обращаться яснымъ соколомъ, сѣрымъ волкомъ и гнѣдымъ туромъ — золотые рога; впоследствии, онъ обращивался и горностаемъ, и мурашкою. Царь Афромея перескакивалъ чистыя поля гнѣдымъ туромъ, темныя лѣса сободемъ, а быстрыя рѣки перелетывалъ соко-

(1) Краледв. Рук. пер. Берха стр. 3.

ломъ (1). Богатырь Потокъ завидѣлъ на тихихъ водахъ *бѣлую лебедушку* ;

Она черезъ перо была вся *золота* ,

А головушка у ней увивана *краснымъ золотомъ* .

И скатнымъ *жемчужомъ* усажена.

Вынимаетъ онъ Потокъ

Изъ налушна свой тугой лукъ ,

Изъ колчана вынималъ *калену стрѣлу*

— *хочетъ стрѣлять по лебеди.*

Провѣщится ему лебедь *бѣлая* :

« Не стрѣлай ты меня лебедь *бѣлую* » ...

Выходила она на крутой бережокъ ,

Обернулася душой *красной дѣвицей* .

Когда отправился Потокъ — богатырь въ Кіевъ, красная дѣвица (Авдотья *Лиховидьевна*) полетѣла, за нимъ бѣлою лебедушкой. Потокъ на ней женился, и когда жена его умерла, помазалъ ея тѣло головою *огненнаго змья*, послѣ чего она тотчасъ ожила.

Пѣсня о Добрынѣ — богатырѣ рассказываетъ : молодая Марина, *любвица змья Горынчица*, обернула девять богатырей быками (турами), а десятого — Добрыню — *гнѣдымъ туромъ* — золотые рога. Сама Марина похвалялася :

А и нѣтъ меня *хитрѣ, мудрѣя*.

Но сыскалася *кумушка* и похитрѣ и помудренѣ Марины ; « я не хвастаю , сказала она , а хочешь ли оберну тебя *сукою* . » Марина поспѣшила обернуться касаточкой , полетѣла въ чистое поле и оборотила Добрыню снова добрымъ *молодцемъ* . По сказанію народной пѣсни *чародѣйка* Марина Мнишекъ обернулася сорокою и улетѣла изъ царскихъ палатъ (2).

(1) Древн. Рос. Стих. стр. 47, 50—51, 142.

(2) *ibidem*. стр. 217—218, 223—224, 66—69, 164. См. сказки о Царевнѣ — лягушкѣ, о семи Семіонахъ ; см. Вѣсти. Евр. 1821 г. стр. 194—195. ; Русс. Вѣсти. 1841 г. № 1. стр. 37. Въ одной

Приведенныя нами свидѣтельства Слова о полку и старинныхъ пѣсенъ связываютъ превращенія именно съ тѣми лицами, которымъ въ языческую эпоху принадлежало главное совершеніе религіозныхъ игръ и обрядовъ: съ князьями и княгинями, пѣвцами, чародѣями и чародѣйками. Такъ Всеславъ былъ рожденъ отъ волхованія; Волхъ Всеславьевичъ, именемъ своимъ, указываетъ на чародѣйный смыслъ его подвиговъ; когда онъ родился, то состряслося все царство Индѣйское; Авдотья Лиховидьевна и Марина обѣ чародѣйки; одна любовница огненнаго змѣя, другая силою этого змѣя оживаетъ; Марина дѣлаетъ чары и произноситъ заговоръ на любовь.

Откуда родилась вѣра въ обращенія? — Вопросъ чрезвычайно важный. Народныя преданія и повѣрья ставятъ въ близкое соотношеніе съ обращеніями *появленіе мертвецовъ*. По Сербскому повѣрью *мертвецы* выходятъ *по ночамъ* изъ могилъ и *сосутъ кровь* у живыхъ людей, во время ихъ сна, отъ чего многіе умираютъ (1). Колдуны и вѣдьмы также встаютъ изъ могилъ и бродятъ послѣ смерти; они также сосутъ кровь изъ живыхъ людей; отъ того ихъ смѣшиваютъ съ *упырями*, извѣстными на Украинѣ и у Славянъ южныхъ (2). Нѣкоторые увѣряютъ, что *коровья смерть* есть оборотень, который принимаетъ образъ *черной коровы* и гуляетъ вмѣстѣ съ стадами, напуская на

пѣснѣ поется: «обернуся я, превращуся я бѣлой лебедью.» Обычныя сравненія въ пѣсняхъ съ лебедушкой, сизымъ орломъ, яснымъ соколомъ, кукушкою, голубушкою. (Бодянк. О Нар. поэт. Слав. пл. стр. 118).

(1) Вѣсти. Евр. 1829 г. № 24 стр. 254—255. Иллюстр. годъ 1. стр. 415: статья Даля. Ж. М. Н. Пр. 1846 г. Декабря стр. 205 и дал. (о вампирахъ, варколакахъ каракопжалахъ).

(2) Малорос. Словарь (Тр. Об. Любит. Рос. Слов.): *упырь* — природный колдунъ, человекъ съ *хвостомъ*, стр. 320.

нихъ порчу и морь. Наконецъ, существуетъ повѣрье, что оборотень есть дитя, умершее некрещенымъ, или вѣроотступникъ, душа котораго нигдѣ на томъ свѣтѣ не принимается. На сѣверѣ Россіи оборотня называютъ кикиморою; въ другихъ мѣстахъ кикимора признается младенцемъ, похищеннымъ нечистою силою (1). Смерть для язычника не прекращала существованія совершенно; она только измѣняла это существованіе. Славянинъ—язычникъ вѣрилъ, что мертвецы продолжали жить, по виною жизнию, загробною. Умершіи дѣлались достояніемъ смерти (Морены); трупъ его обезображивался предсмертными страданіями и подлежалъ распаденію. Вотъ почему мертвецы становятся преданіями въ двоякія отношенія къ живымъ. Если они съ одной стороны и по смерти, сочувствуютъ интересамъ своей семьи, своего рода; то съ другой вообще завидуютъ живымъ и ихъ наслажденіямъ, стараются пугать людей и даже вредить имъ. Души умершихъ, по языческимъ представленіямъ, носились надъ могилами въ образѣ блуждающихъ огоньковъ, летали вмѣстѣ съ птицами по деревьямъ, (2) и вообще оставались въ томъ же мѣрѣ, въ какомъ жилъ и человѣкъ живой; такое неопредѣленное состояніе душъ по смерти говоритъ о томъ, что у нашихъ Славянъ въ язычествѣ понятія о загробной жизни не успѣли еще установиться. Впослѣдствіи, въ эпоху христіанскую родилось повѣрье, что только души младенцевъ, умершихъ безъ крещенія или заспанныхъ матерями, также души выкидышей (3) и вѣроотступниковъ лишены по смерти пристанища и блуждаютъ

(1) Иллюстр. годъ 1. стр. 299.

(2) Сахар. Сказ. Рус. Нар. т. 1. стр. 39 (черноки.) Бусл. О вліян. хр. на Сл. язык. стр. 71—72.

(3) *Июша* — выкидышъ, еще необразовавшійся младенецъ; а потому представляется безъ рукъ и ногъ. Припомнимъ еще вѣрованія о русалкахъ и мавкахъ.

по міру. Представлять души виѣ опредѣленныхъ матеріальныхъ формъ Славянинъ — язычникъ не могъ, потому что форма для его грубаго и малоразвитаго созерцанія была главнѣе всего; безъ формы онъ не въ силахъ былъ ничего представить. Какіе же образы долженъ былъ придать Славянинъ умершимъ? Другихъ образовъ онъ не могъ дать кромѣ тѣхъ, какіе видѣлъ и зналъ въ окружающей природѣ. Мертвецы, какъ достояніе темной силы смерти, представляются въ образахъ необыкновенныхъ, пугающихъ все живое: при созданіи этихъ образовъ фантазія народная обращалась къ природѣ виѣшней. Сверхъ того, міръ мертвецовъ есть міръ таинственный, міръ темныхъ, невидимыхъ силъ; все въ немъ должно было представляться неопредѣленнымъ, неустановившимся. Отъ того мертвецамъ стали придавать самыя разнообразныя формы; изъ одной формы они могли переходить въ другую, изъ другой въ третью и такъ далѣе. Отсюда родилось вѣрованіе въ оборотней, принимающихъ образы различныхъ животныхъ, и въ переселеніе душъ. Оборотень, какъ жилецъ другаго міра, подвластнаго Смерти, считается недобрымъ духомъ, предвѣстникомъ бѣдъ. Онъ не иначе является, какъ на бѣгу или на лету — мелкою, съ кошачьимъ крикомъ или воемъ, а иногда подкатывается клубкомъ, клочкомъ сѣна и комомъ снѣга. Оборотень мечется челоуѣку подъ ноги и перекрѣгаетъ ему дорогу; онъ измѣняетъ видъ свой во что вздумаетъ, перекидываясь въ кошку, собаку, сову, пѣтуха, ежа, камень, копну и проч.; въ лѣсу встрѣчали его страшнымъ звѣремъ или чудовищемъ. Днемъ его рѣдко удается видѣть: онъ любитъ проказить *въ сумерки и ночью*; тогда въ глазахъ прохожаго онъ нерѣдко принимаетъ нѣсколько разъ то тотъ

образъ, то другой (1). Очевидно, что съ явленіемъ оборотней по ночамъ и въ сумерки, т. е. во время владычества темныхъ силъ, смѣшалось представленіе, основанное на дѣйствительномъ наблюденіи. Кто не знаетъ, что въ полумракѣ и въ темнотѣ всѣ предметы для глаза принимаютъ различныя фантастическія формы, которыя съ каждымъ шагомъ прохожаго видоизмѣняются. На Украинѣ народъ думаетъ, что человѣкъ можетъ быть попеременно: муравьемъ (наѣкомымъ), птицей, звѣремъ, рыбою и снова человекомъ (2): видимый остатокъ отъ древней вѣры въ переселеніе душъ. Душа человѣка совершала кругъ, переходя всѣ формы животнаго царства; но она могла также переходить и въ растенія: въ тополь, яворъ и др. (3). Мертвецы свободно могутъ выходить изъ своихъ могилъ и вредить живымъ, нанося ихъ хозяйству разстройство или высасывая у спящихъ кровь. Последнее повѣрье о высасываніи крови мертвецами (упырями) родилось изъ представленія, соединяемаго съ Смертью: вѣчно-голодная она ненавидитъ жизнь и стремится пожирать все живое; похищая людей и животныхъ, Смерть оставляетъ одни холодные и безжизненные трупы; кровь ихъ она высасываетъ, и этимъ только насыщаетъ себя. Такое представленіе было потомъ перенесено и на мертвецовъ. Чтобы отвратить гибельное вліяніе мертвецовъ, простолудины вбиваютъ имъ между лопатокъ въ спину *осиновый колъ* (4).

(1) Иллюстр. годъ 1. стр. 299.

(2) Москвит. 1846 г. № 11 и 12. стр. 132.

(3) Москв. 1830 г. статья Бусл., Объ эп. выр. Укр. поэзін.

(4) *Осины* въ язычествѣ имѣла благое значеніе, какъ дерево, исполненное избытка жизни: листья ея всегда дрожать, колеблются, *разговариваютъ* между собою. Отъ того дерево это почиталось особенно спасительнымъ противъ всякой нечистой силы (осиною прогоняютъ коровью смерть, еѣ употребляютъ при народномъ

Главнымъ образомъ выходъ изъ могилъ суевѣріе приписываетъ колдунамъ и вѣдьмамъ, которые и умираютъ не такъ, какъ обыкновенные люди. Когда умираетъ вѣдьма, то вся природа выражаетъ свою печаль: земля трясется, звѣри воютъ, скотъ на дворъ нейдетъ, отъ воронъ отбою нѣтъ, въ избѣ все — не на мѣстѣ. Душа вѣдьмы и колдуна (или знахаря) долго не хочетъ растаться съ тѣломъ; чтобы облегчить ея выходъ изъ тѣла—разбираютъ уголъ крыши и вынимаютъ изъ потолка доску (1). Такое повѣрье объясняется только тѣмъ великимъ жреческимъ значеніемъ, какое имѣли вѣдуны и вѣдьмы: ихъ заклинаніямъ были покорны самыя божества: они *доили* свѣтлыя божества и повелѣвали посредствомъ чаръ нечистою силою (2). Въ народѣ существуетъ любопытный разсказъ о томъ, что три молодыя дѣвицы — сестры повѣдмилась, совершали чудныя дѣла, и что по смерти, *души ихъ горятъ на небѣ яркими звѣздами* (3). Души колдуновъ и вѣдьмъ, и по смерти, должны были сохранить свое могущество.

Но если при смерти душа отдѣляется отъ тѣла навсегда; то при жизни она по миѣнію народному можетъ отдѣляться отъ него на время: кромѣ смерти существуетъ еще *обмиранье*. Обмираньемъ называютъ припадокъ, извѣстный подъ именемъ летаргическаго сна. Народъ

врачеваніи отъ лихomanки и паралича; она все въ домѣ спорить). (См. Иллюстр. годъ 1, стр. 250. Терещ. Бытъ Рус. Нар. ч. III, стр. 79. ч V. стр. 75. ч. VI. стр. 101). Въ христіанскую эпоху родилось повѣрье, что на оснѣѣ удавился Иуда, и потому она вѣчно колеблется. Вообще, всѣ указанія на благое значеніе того предмета, который въ христіанскую эпоху сдѣлался нечистымъ, должно считать вѣрнѣйшимъ свидѣтельствомъ старины языческой.

(1) Сахар. Ск. Рус. Н. т. 2. стр. 45—46. Иллюстр. годъ 1. стр. 415. Только вѣдьмы могутъ купаться съ русалками. (Терещ. ч. VI. стр. 132).

(2) Верещаг. Очерк. Арханг. губ. стр. 187.

(3) Ск. Рус. Нар. Сахар. т. 2 стр. 62—63.

думаетъ, что въ этомъ состояніи душа улетаетъ изъ тѣла, странствуетъ въ другомъ мірѣ, видитъ и рай и адъ, а потомъ снова возвращается въ прежнее тѣло. (1). Обмиранье главнымъ образомъ приписываетъ суевѣріе колдунамъ и вѣдьмамъ; ихъ *въщія души*, отдѣляясь отъ тѣла, могутъ сообщаться съ таинственнымъ міромъ, ожидающимъ человѣка по смерти, съ священными странами боговъ свѣтлыхъ и темныхъ; тамъ душа вѣдьмы или колдуна узнаетъ все чудесное: и прошедшее, и будущее, и волю боговъ, и тайны языческой религіи; тамъ она получаетъ даръ вѣдѣнія и предвѣщаній (2). 30 Июля, по народному повѣрью, вѣдьмы *обмираютъ, опившись молокомъ*; слѣдов. обмиранье тѣсно связывается съ доеніемъ коровъ. Только при совершеніи религіозныхъ обрядовъ, силою той же мольбы, которая вызываетъ всеоплодотворяющую влагу, душа вѣдуна и вѣдьмы можетъ исполниться дара предвѣдѣнія и предвѣщаній. При языческихъ игрищахъ и жертвенныхъ пирахъ вѣдунъ и вѣдьма впадали въ состояніе иступленное, въ которомъ произносили предсказанья и заговоры. Это подтверждается самымъ характеромъ языческихъ празднествъ и тѣмъ повѣрьемъ, что заклинатель, произнося заговоръ, самъ *разслабѣваетъ, теряетъ силы* (3).

(1) Любопытный народный рассказъ о обмираньи см. въ Москв. 1846 г. № 11 и 12 стр. 155. (Преданья собран. Кулѣшевъ). Душа человѣка, тоскующаго въ разлукѣ по другѣ, можетъ вызвать къ себѣ душу своего любимца, какъ бы далеко онъ ни находился: *душа чутка*. (Кіевлян. ч. 1. стр. 213. Малоросс. рассказ. Кулѣша).

(2) Вспомнимъ кстати повѣрье о томъ, что вѣдьмы летаютъ на Лысую гору на думь спящаго человѣка.

(3) Малос. и Червонорус. нар. думы и пѣсни стр. 99 — 100. Когда вѣдьма обмираетъ, то должно жечь ей пяты соломою; тогда она очнется. Вспомнимъ поговорку: «душа въ пятки ушла.» Солому палили въ честь умершихъ (см. Стоглав.) Огонь очищаетъ отъ всякой нечистой силы (смерти и болѣзни). Кликуши, женщины — *испорченныя колдунами и вѣдьмами, кричатъ голосами разныхъ живот-*

Душа, отдѣлившаяся отъ тѣла, могла и должна была принимать разнообразныя формы. Объ этомъ находимъ положительное свидѣтельство у Экзарха Болгарскаго: «се же есть первое: *тѣло свое хранитъ мертво и летаетъ орломъ и ястребомъ и ворономъ и дятлемъ, рыщутъ лютымъ звѣремъ и вепремъ дикимъ, волкомъ, летаютъ змѣемъ, рыщутъ рысію и медвѣдемъ*» (1). Такимъ образомъ душа колдуна и вѣдьмы могла принимать разнообразныя формы. При дальнѣйшемъ развитіи вѣрованій, при ихъ затемнѣніи, не только душа колдуна могла принимать различные образы; но колдунъ и вѣдьма могли по произволу измѣнять свой видъ и оборачиваться въ различныхъ животныхъ и различные предметы, не отдѣляя своей души отъ тѣла. Крестьяне увѣряютъ, что не рѣдко случалось — снимая шкуру съ убитой волчицы или медвѣдицы — находить подъ нею бабу въ сарафанѣ (2).

Мало того: не только колдуны и вѣдьмы сами могутъ оборачиваться; они присвоили силу оборачивать и другихъ: явились оборотни невольные, вслѣдствіе злобы вѣдуна или вѣдьмы. Такія повѣрья, очевидно, позднѣйшаго образованія. Народъ вѣритъ, что колдунъ, зная имя человѣка, можетъ сдѣлать его оборотнемъ, а потому имя данное при крещеніи, надо скрывать, называясь другимъ. Часто, по злобѣ, колдуны оборачивали своихъ знакомыхъ въ разныя животныя; на Украинѣ такихъ оборотней

иныхъ и пророчатъ о гнѣвѣ Божіемъ и скоромъ святопреставленіи (Иллюстр. годъ 1. стр. 203).

(1) Экзархъ Болгарск. стр. 211.

(2) Абевага стр. 80. Иллюстр. годъ 1, стр. 415. Статья Дая. Вѣдьма любитъ обращаться въ сороку. Одинъ старикъ поймалъ такую сороку за хвостъ; но она вырвалась и улетѣла, а въ рукахъ старика осталась женская сорочка. (Описан. Оловецк. губ. стр. 190 — 191. соч. Дашкова).

называютъ *вовкулаками* т. е. обращенными въ волка, потому что всего чаще вѣдьмы и колдуны обращаютъ въ это животное. Одна вѣдьма обратила волкомъ своего сосѣда, который впоследствии, когда возвратился въ прежнее состояніе, рассказывалъ, что подружился съ однимъ волкомъ и ходилъ съ нимъ на добычу, что хотя и чувствовалъ себя человѣкомъ, но вылъ по-волчьи. Человѣкъ, обращенный колдуномъ или вѣдьмою въ волка, приближаясь къ людямъ, жалостливо смотритъ на нихъ; мяса, которое ему даютъ, не ѣстъ, а кусокъ хлѣба пожираетъ съ жадностію (1).

Теперь необходимо обратить вниманіе на двѣ стороны даннаго вопроса: 1) какими *средствами* совершается обращеніе и 2) какіе *образы* преимущественно избираютъ колдуны и вѣдьмы при своихъ обращеніяхъ?

✓ Для того, чтобы *оборотиться*, вѣдьмы употребляютъ *чародѣйныя мази*, приготовляемыя изъ сока травъ. Силою превращеній главнымъ образомъ обладаетъ трава *тирличъ*, которая достается въ удѣлъ однимъ вѣдьмамъ и колдунамъ; изъ этой травы они выжимаютъ сокъ, и когда пожелають оборотиться, то натираютъ этимъ сокомъ у себя подъ мышками. Въмѣсто мазей и сока тирлича,—колдуны и вѣдьмы, желая оборотиться, *ударяются о землю* или *кувыркаются черезъ голову и черезъ двѣнадцать пожей* (2). Мать-сыра-земля подастъ силу всякому, кто о нее ударится; ножъ — ору-

(1) Москвит. 1846 г. № 11 и 12. стр. 132.

(2) Сахар. Сказ. Рус. Нар. т. 1. стр. 43. Терещ. Бытъ Рус. Нар. ч. VI. стр. 30, 38. Иллюстр. годъ 1. стр. 299, 413. Вѣсти. Евр. 1828 г. № 5 и 6 стр. 90. Тр. Об. Л. Рос. Сл. ч. 3. стр. 90 См. лубошн. сказки: о сѣромъ волкѣ, о царь-дѣвницѣ и др. Москв. 1846 г. № 11 и 12. стр. 132.

ліе жертвенное. Отсюда видно , что превращенія совершались силою тѣхъ таинственныхъ чаръ , которыя , по характеру своему, принадлежали къ древнимъ языческимъ обрядамъ , и имѣли значеніе символическое. Въ народныхъ сказкахъ сохранилось даже свидѣтельство, что при обращеніи произносился заговоръ: « схватила Марина Добрыню за бѣлы руки , бросала « его отъ полу до печи, отъ стѣны до большого угла « и нашептывала заклинанье великое и оборачивала его « туромъ » (1).

Главные образы , въ которые обращаются и колдуны и вѣдьмы: туръ и корова, соболь, собака, кошка, волкъ и волчица, медвѣдь и медвѣдица, вепрь и свинья, сова, змѣй, копна сѣна, клубокъ нитокъ, комъ снѣга и камень; кромѣ того, колдуны обращаются еще: соколомъ, соловьемъ, пѣтухомъ, орломъ, ястребомъ, дятломъ, ворономъ, оленемъ, горностаемъ, рысью и др.; а вѣдьма: лебедью, ласточкою, кукушкою, сорокою и др. (2). Пѣсни, сказки и древнѣйшіе памятники, говоря о превращеніяхъ, прибавляютъ чрезвычайно знаменательные эпитеты ; такъ напр. колдунъ оборачивается: въ *гильдаго* тура (или оленя) — *золотые рога*, въ *спраго* волка , *яснаго* сокола (въ пѣсняхъ : « *свѣтъ ясенъ соколъ* »), *золотогриваго* коня ; вѣдьма оборачивается въ сороку *бллобоку*, въ лебедь *бллую* съ *золотыми* перьями (1). Всѣ эти эпитеты указываютъ на тѣсную связь обращающихся лицъ съ служеніемъ божествамъ *свѣтлымъ* , *чистымъ*. Тоже

(1) Нар. сказки , изд. Сахаров. стр. 30, 33 — 36.

(2) Абевега стр. 79. Рус. въ св. посл. ч. 2. стр. 34. См. выше предыдущія ссылки.

(3) Самое слово *лебедь* означаетъ *бллый* , *свѣтлый* , *прекрасный* (Бусл. О вліян. хр. на Слав. яз. стр. 33, 44 — 43).

подтверждается и старинными преданіями о другихъ животныхъ, въ образы которыхъ обращаются колдунны и вѣдьмы. Такъ — пѣтухъ птица, посвященная солнцу и очагу; вмѣстѣ съ лебедемъ, пѣтухъ составлялъ необходимое свадебное кушанье; вѣщій воронъ — приносятъ живую и мертвую воду; сова видитъ ночью; рысь имѣетъ быстрое зрѣніе, а орелъ можетъ смотрѣть на самое солнце; ласточка — птица предвѣщающая весну; кукушка — птица вѣщяя, предсказывающая будущее; змѣй (1), быкъ и корова — образы, въ которыхъ народная фантазія олицетворяла языческія божества; въ свадебныхъ пѣсняхъ о невѣстѣ говорится, что она «взошла сободемъ, освѣтила всѣхъ солнцемъ» (2). Съ обращеніемъ въ ястреба, сокола и волка соединяется понятіе быстроты и силы, а съ обращеніемъ въ рысь, сову, орла и кукушку — понятіе предвидѣнія и предвѣщаній. Эта сила и быстрота принадлежала языческой чародѣйственной мольбѣ, которая быстро возносилась къ божествамъ и вызывала ихъ на испосланіе даровъ; это предвидѣніе и эти предвѣщанія составляли одно изъ главнѣйшихъ знаній, принадлежащихъ вѣдунамъ и вѣдьмамъ. Припомнимъ, въ какихъ образахъ Слово о полку выражаетъ чародѣйное значеніе Бояновыхъ пѣсенъ.

Послѣ разсмотрѣнія преданій о превращеніяхъ вѣдемъ и колдуновъ, становится понятнымъ, почему народъ представляетъ вѣдму съ хвостомъ, а колдуну съ рогами (3): эти признаки, усвоенные вѣдемъ и

(1) См. выше о связи вѣдемъ съ огненнымъ змѣемъ.

(2) Медвѣдя водятъ для усмиренія домового; когда олень обмокнетъ ногу или хвостъ въ воду, съ того времени начинается осень; баба-яга даетъ богатырю клубокъ, который показываетъ ему путь.

(3) Терещ. Быть Рус. Нар. ч. VI. стр. 102. Макар. Рус. пред. ч. 2. стр. 103 и дал. Вѣдьма не можетъ скрыть своего хвоста во всѣхъ превращеніяхъ.

колдуну, какъ признаки отличительные, заимствованы народною фантазією отъ главныхъ обращеній. Особенно важное обращеніе въ образы тура и коровы оставило эти предикаты колдунамъ и вѣдьмамъ, какъ служителямъ языческихъ боговъ.

✓ Въ христіанскую эпоху и колдуны и вѣдьмы подверглись сильному стѣсненію; извѣстно нѣсколько примѣровъ о сожженіи « вѣщихъ жонокъ » и кудесниковъ. Противодѣйствіе колдунамъ и вѣдьмамъ тѣмъ болѣе было необходимо, что они сами стали во враждебныя отношенія къ новому ученію, открыто хулили христіанство и возбуждали народъ противъ духовенства (1). Подъ вліяніемъ этихъ обстоятельствъ создано въ народѣ убѣжденіе о враждебномъ и грѣховномъ значеніи вѣдуновъ и вѣдьмъ, о связи ихъ съ нечистою силою; а вмѣстѣ съ тѣмъ созданы и новые обряды, направленные противъ ихъ зловреднаго вліянія. Въ заговорахъ стали испрашивать защиты отъ « бабьихъ зазоръ, отъ хитраго чернокушника, отъ заговорнаго кудесника, отъ яраго волхва, отъ слѣпаго знахаря, отъ старухи вѣдуны, отъ вѣдьмы Кіевской и злой сестры ея Муромской » (2).

(1) См. о волхвахъ въ П. С. Лѣт. т. 1.

(2) Сахар. Сказ. Рус. Нар. т. 1. стр. 19. т. 2. стр. 45 — 46. Пилюстр. годъ 1. стр. 413.

2007053958